

2022

Volume 8

No 3 (31)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2022

Том 8

№ 3 (31)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 31978. Формат 240×170. Объем 88 с. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ № 22113. Дата выхода в свет 30.09.2022. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91. Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – Saint Petersburg University (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Anna A. Talitskaya – Yaroslavl State University (Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEP (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Larisa V. Ukhova – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- С. В. Алоэ** – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)
Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)
Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)
Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)
И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)
В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)
И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)
Т. К. Ростовская – д-р социол. наук, профессор, ФНИСЦ РАН (Москва, РФ)
И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)
А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)
Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. В. Ухова – д-р филол. наук, доцент, ЯГПУ (Ярославль, РФ)
Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)
М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Zaets S.V., Kushnarev F. Yu.**

Poland in the European Union: history and modernity 274

Petrova O. V.

National projects in the political process (on the example of the project "Safe high-quality roads" in the Yaroslavl region) 288

SOCIOLOGY**Vodenko K. V.**

Academic leadership in the context of the development of transprofessional identity in the conditions of digitalization and regionalization 300

Ruban L. S.

The Development of the Theory of Democracy and the Contribution of Seymour Martin Lipset to Political Sociology 310

PHILOLOGY**Ezaova M. Y., Kardanov M. L., Shugusheva J. Kh.**

Development of the language and linguocolor picture of the world in the adyghe linguoculture 320

Potjomkina Y. S., Shamanova M. V.

Unofficial toponyms in the linguistic consciousness of Yaroslavl residents: estimated component 334

Selezneva K. O.

Thematic group "Education" in Ushakov's Russian language dictionary 346

ПОЛИТОЛОГИЯ**Заец С. В., Кушнарев Ф. Ю.**

Польша в Европейском союзе: история и современность..... 274

Петрова О. В.

Национальные проекты в политическом процессе (на примере проекта «Безопасные качественные дороги» в Ярославской области) 288

СОЦИОЛОГИЯ**Воденко К. В.**

Академическое лидерство в контексте развития транспрофессиональной идентичности в условиях цифровизации и регионализации 300

Рубан Л. С.

Развитие теории демократии и вклад Сеймура Мартина Липсета в политическую социологию 310

ФИЛОЛОГИЯ**Езаова М. Ю., Карданов М. Л., Шугушева Д. Х.**

Развитие языковой и лингвоцветовой картины мира в адыгской лингвокультуре 320

Потемкина Ю. С., Шаманова М. В.

Неофициальные топонимы в языковом сознании ярославцев: оценочный компонент 334

Селезнева К. О.

Тематическая группа Образование в толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова..... 346

Poland in the European Union: history and modernity

S. V. Zaets¹, F. Yu. Kushnarev¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-274-287

Research article
Full text in Russian

The article shows the dynamics of the development of relations between Poland and the European Union from the early 1990s to the present day. The history of the entry of the Polish state into the European community, the political and socio-economic consequences of this event is analyzed. The facts testifying to the initial polarization of society in relation to EU membership between the conservative-nationalist party «PiS» and the liberal-democratic «Civic Platform» are presented. The topical issue related to the supremacy of European legislation over the Constitution of the Republic of Poland, the attitude of the ruling party and the population of the country to it is considered. The authors of the article conducted a study on the attitude of Poles to membership in the European Union and concluded that most of them highly appreciate the role of their state in the EU, enjoy the benefits of European citizenship and see themselves as Europeans. Attention is drawn to the fact that the developed countries of the West do not perceive Poland as an equal member of the European Community, and it does not feel like such, because in terms of most economic indicators, the country initially lagged behind generally accepted indicators and is forced to receive financial assistance. The authors briefly touched upon the current events in Ukraine and the reaction of the Polish government in the context of the European Union. As a result, at the moment a picture is being created that Poland is in the wake of the EU's anti-Russian policy and sees its role in «saving the world from Russian expansion». Perhaps, by such participation in the Russian-Ukrainian conflict, it seeks to compensate for its secondary position in the European Union and increase its authority in the international arena.

Keywords: Poland; European Union; PiS; Poles; supremacy of European legislation; war conflict in Ukraine; sanctions against Russia

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zaets, Svetlana V. | E-mail: istoria121@yandex.ru
(correspondence author) | Cand. Sc. (History), Associate Professor

Kushnarev, Filipp Yu. | E-mail: kushnarevcustoms@mail.ru
| Cand. Sc. (Politics), Associate Professor

For citation: Zaets S.V., Kushnarev F. Yu. Poland in the European Union: history and modernity // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 3. P. 274-287. (in Russ.)

Польша в Европейском союзе: история и современность

С. В. Заец¹, Ф. Ю. Кушнарев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-274-287
УДК 32.001+94(438)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье показана динамика развития отношений Польши и Евросоюза с начала 1990-х гг. по сегодняшний день. Проанализирована история вступления польского государства в европейское сообщество, политические и социально-экономические последствия данного события. Представлены факты, свидетельствующие об изначальной поляризации общества по отношению к членству в ЕС между консервативно-националистической партией «PiS» и либерально-демократической «Гражданской платформой». Рассматривается актуальный вопрос, связанный с верховенством европейского законодательства над Конституцией Республики Польши. Авторы статьи провели исследование, касающееся отношения поляков к членству в Евросоюзе, и сделали выводы, что большинство из них высоко оценивают роль своего государства в ЕС, пользуются преимуществами европейского гражданства и видят себя европейцами. Обращается внимание на такой факт, что развитые страны Запада не воспринимают Польшу равноправным членом европейского сообщества, да и она себя таковым не чувствует, т. к. по уровню большинства экономических показателей страна изначально отставала от общепринятых показателей и вынуждена получать финансовую помощь.

Авторы кратко затронули современные события на Украине и реакцию польского правительства в контексте Евросоюза. В итоге на данный момент создается такая картина, что Польша находится в фарватере антироссийской политики ЕС и видит свою роль в «спасении мира от российской экспансии». Возможно, таким участием в российско-украинском конфликте она стремится компенсировать второстепенное положение в Евросоюзе и повысить свой авторитет на международной арене.

Ключевые слова: Польша; Европейский союз; PiS; полексит; верховенство европейского законодательства; военный конфликт на Украине; санкции против России

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Заец, Светлана Викторовна | E-mail: istoria121@yandex.ru
(автор для корреспонденции) | Кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной политик

Кушнарев, Филипп Юрьевич | E-mail: kushnarevcustoms@mail.ru
| Кандидат политических наук, доцент кафедры социальной политик

Для цитирования: Заец С. В., Кушнарев Ф. Ю. Польша в Европейском союзе: история и современность // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 3. С. 274-287.

На данный момент Польша является одним из государств, которое ведет активную политику против России на международной арене. При этом она действует в коалиции европейских стран, которые ввели против РФ разного рода санкции. В данной

статье мы рассмотрим взаимодействие Польши и ЕС, насколько оно, на наш взгляд, прочное и долговечное.

История взаимоотношений между Республикой Польшей (РП) и Европейским союзом (ЕС) многогранна по своему характеру и насчитывает уже около 30 лет. После распада Восточного блока Польша в декабре 1991 г. подписала Соглашение об ассоциации с тогдашними Европейскими сообществами. В результате три года спустя была подана заявка на членство в ЕС. После успешного референдума и общественной поддержки (77,45 % населения высказались «за») РП 1 мая 2004 года вместе с девятью другими новичками (Венгрией, Чехией, Эстонией, Латвией и Литвой, Мальтой, Кипром, Словакией и Словенией) стала полноценным членом Сообщества. Как отметил сейм Республики, в день труда государство официально стало членом Евросоюза. Государственные деятели Польши назвали день подписания договора «праздником единства Европы» [1].

Среди главных задач присоединения к ЕС польское руководство ставило вступление в европейское экономическое пространство, развитие единого рынка, ликвидацию таможенных границ, усиление культурных связей со странами Западной Европы и миром, сохранение при этом польской национальной идентичности. В унии с Польшей были заинтересованы и европейские страны. Руководство Союза рассматривало это событие как окончательное уничтожение биполярного мира, существовавшего в годы «холодной войны», установление единства Европы, ранее разделенной на два враждебных политических лагеря.

Трансформация польской экономики и политической системы из административно-командной в рыночную, с демократическими ценностями, хотя и была быстрой, но потребовала исключительной решимости и усилий не только реформаторов, но и значительной части общества, которое поддержало процесс реформ.

В ходе интеграции в Европейский союз в Польше были созданы новые политические, экономические и социальные институты. Практически с нуля велась борьба с инфляцией, проводилась денационализация производственной собственности, реформировалось центральное и территориальное управление, обучался административный персонал, велась борьба с теневой экономикой и коррупцией. Проблема трансформации заключалась еще и в нехватке капитала, что блокировало развитие промышленной инфраструктуры, необходимой для экономического роста. Это способствовало появлению новых источников. Так, страна, у которой была огромная внешняя задолженность, в 70-е годы добилась сокращения долгов от развитых стран-кредиторов (Парижского и Лондонского клубов). Более того, Всемирный банк предоставлял РП значительные кредиты и субсидии. Страна активно занималась привлечением иностранных инвестиций. Большое значение имели денежные переводы от польских эмигрантов. Кардинальным образом ситуация изменилась, когда Польша вступила в Европейский союз. Для неё стали доступны различные инвестиционные фонды ЕС, которые впоследствии стали значительным источником финансирования и использовались как государственными, так и частными организациями [2].

Историю деятельности Республики Польша в Европейском союзе условно принято делить на 3 периода:

- С 2004 по 2007 год – первый период, охватывает конец пребывания у власти Союза демократических левых сил (А. Квасьневского) и начало правления правого крыла (А. Качиньского). Это период адаптации Польши в составе европейского сообщества. С приходом к власти партии «Право и справедливость» (PiS) польское государство начинает стремление к национализму и подчеркивает приоритет польских

законов над европейскими. Наблюдалась также «война стульев» – спор между премьер-министром Дональдом Туском и президентом Лехом Качиньским о представительности страны на сессиях Совета Европы.

- Второй период: с 2007 по 2015 год – это восемь лет правления страной коалиции «Гражданской платформы» (PO) и «Польской народной партии» (PSL), которые, как известно, принесли Польше значительное укрепление её позиций в ЕС. Она действовала в тот период как европейское государство, что стало возможным благодаря евроэнтузиазму польского общества и тому факту, что правящие партии принадлежали христианским демократам, которые доминировали в Европейском парламенте и Совете. Министр иностранных дел Радослав Сикорский был одним из инициаторов формирования проекта так называемого «Восточного партнерства» – программы сближения и сотрудничества с шестью бывшими республиками СССР – и Энергетического союза, создаваемого с целью ослабить зависимость от поставок российского газа в страны Европы. Положительный имидж РП в ЕС и заслуги премьер-министра Дональда Туска позволили в 2014 г. избрать его председателем Европейского совета. Конец этого периода ознаменован радикальной сменой власти в Польше – вместо PO и PSL правящей становится консервативно-националистическая партия «Право и справедливость» (PiS).

- Третий период: с 2015 года и по настоящее время. Это время принято называть периодом противостояния. PiS стала навязывать Евросоюзу межправительственный метод развития вместо метода сообщества¹, тем самым отойдя от традиционной позиции Польши в Совете и основного направления ЕС.

Оказавшись внутри европейского блока, Варшава изо всех сил старалась выработать последовательную политику в Евросоюзе, в том числе в ходе своего председательства в Совете ЕС в 2011 г. Как отмечал в своей статье профессор Польской академии наук Юзеф Фишер, её роль в мировом политическом процессе сильно возросла, Польша фактически была «хозяином» союза европейских стран. Это оказало огромное влияние на национальное самосознание поляков.

Данное событие связывают со съездом в Гнезно в марте 1000 года, когда в Польше было образовано свое архиепископство, не зависящее от Священной Римской империи. Это событие изменило положение Польши на международной арене. Дональд Туск, который впоследствии был избран председателем Европейского совета, заявил в интервью СМИ: «Варшава была центром политических событий континента... Ее президентство... было лучше, чем президентство Чехии или Венгрии». Страна получила огромный опыт управления всем европейским пространством. Причем на этом месте она оказалась в наиболее сложный период после структурного кризиса 2008–2009 гг. В итоге Польша сдала «выпускной экзамен на зрелость» и стала полноправным членом сообщества. Это способствовало продвижению польской культуры – устройство встреч, фестивалей, концертов польской народной музыки и т. п.

Однако стоит отметить, что консервативно-националистическая PiS была недовольна президентством Д. Туска и требовала большего усердия в продвижении национальных интересов на международной арене. Также Варшава с прискорбием отмечала, что мировые СМИ оказались безразличными к польским успехам управления мировым пространством. Их внимание было более приковано к проблемам кризиса в зоне евро,

¹ При межправительственном методе главную роль играют правительства государств ЕС, метод сообщества подразумевают главную роль Европейской комиссии, Совета ЕС и европарламента в принятии решений.

ситуации в Греции, событиям арабской весны и парламентским выборам в России, чем к успехам Польши во главе ЕС [3].

Также страна с разной степенью успешности сотрудничала с другими государствами-членами в Центральной и Восточной Европе – в рамках Вышеградской группы, через так называемый Веймарский треугольник. Польша уделяет приоритетное внимание ряду вопросов в ЕС, например, в энергетической сфере, в вопросах безопасности и обороны, а также в рамках Восточного партнерства, причем последнее ориентировано на восточных соседей, включая Украину и Беларусь. В частности, во время конфликта на востоке Украины в 2014 году РП была одним из наиболее активных участников внешней политики ЕС. Однако с 2015 года Польша стала предметом споров внутри Союза в отношении стандартов верховенства права, которые подверглись критике со стороны Европейской комиссии и отказа Варшавы от схемы переселения в миграционной политике ЕС в отношении беженцев и мигрантов [4].

После прихода к власти в 2015 г. PiS её партнеры по коалиции начали масштабную реформу судебной системы Польши. Во-первых, правительство изменило правила, регулирующие Конституционный суд, и наполнило его лояльными судьями; во-вторых, с помощью лояльного Конституционного суда правительство обновило руководящий орган судебной власти – Национальный судебный совет – и изменило принцип функционирования как обычных судов, так и Верховного суда. Реформа также снизила пенсионный возраст судей, что позволило правительству вытеснить тех, которых считали враждебными ему, и заменить их более молодыми судьями, выступающими за PiS. Дальнейшие преобразования ввели дисциплинарные процедуры, которые можно было использовать против сотрудников, желавших применить некоторые законы ЕС или представить предварительные вопросы в Европейский суд (ЕС) – главная особенность правовой системы Евросоюза. Польское правительство не выполнило ни одно из постановлений ЕС, осуждающих его судебные реформы. В июле 2021 г. Конституционный суд заявил, что Польша не обязана соблюдать постановления Европейского суда [5].

В октябре 2021 г. произошла очередная конфликтная ситуация Польши с Европейским союзом. Спор возник после постановления Конституционного суда РП о том, что части Договора о Европейском союзе несовместимы с Конституцией страны [6]. При этом решение суда, оспаривающее верховенство закона Европейского союза, усилило опасения среди европейских политиков и многих поляков, будто бы Польша может в конечном итоге выйти из блока. Президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен заявила, что руководство Союза, которое она возглавляет, сделает все возможное для обеспечения верховенства права ЕС. В своем заявлении она отметила, что 450 миллионов граждан ЕС и его предприятий нуждаются в правовой определенности, и Комиссия проведет оперативный анализ, чтобы принять решение о своих следующих шагах [7].

Кроме этого, в одном из интервью в прессе заместитель польского министра иностранных дел республики Павел Яблонский заявил о возможности переписать договор о Европейском союзе, полагая, что это тот выход, который может повести европейскую интеграцию в правильном направлении. По его словам, об этом ещё несколько лет назад говорил лидер PiS Ярослав Качиньский. «Главная проблема, с которой мы сталкиваемся, – это попытка расширения компетенций институтов за пределы того, что написано в договоре», – сказал П. Яблонский. При этом он отметил, что Европейские институты за счет новой интерпретации права пытаются причислить к своим компетенциям больше того, что им передали страны-члены [8].

Европейцы обращают внимание на то, что проблема Польши решается фактически без польского народа. PiS, возможно, удалось демонтировать судебную систему страны, но в Польше все еще отмечается сильное влияние институтов гражданского общества, есть некоторое количество надёжных, неподконтрольных государству СМИ и подавляющая общественная поддержка членства в ЕС. Европейский союз должен твердо защищать свои правила и ценности, давая понять полякам, что они являются неотъемлемой частью Союза. Чтобы привлечь PiS к ответственности за конфронтацию с ЕС, посыл Брюсселя и столиц ЕС должен быть недвусмысленным: «противостоя нынешнему польскому правительству, ЕС находится на стороне польского народа, потому что это и их европейский дом [5].

В начале этого года PiS официально провозгласило приоритет национального права над законодательством ЕС. Некоторые политики даже назвали Евросоюз «брюссельскими оккупантом», который пытается поставить Польшу на колени. Следовательно, с ним провозглашается борьба, как ранее с нацистами или «коммунистическим режимом» [9]. Уже в ближайшем будущем Польше придется учитывать экономические риски её столкновения с Европейским союзом. Однако при таких действиях она вряд ли увидит миллиарды евро в виде грантов ЕС и дешевые кредиты из фонда восстановления ЕС после пандемии COVID-19. А также вряд ли получит доступ к грантам ЕС на сплочение и структурные проекты в бюджете на 2021–2027 годы. В феврале 2022 г. Еврокомиссия заблокировала более 55 млрд. евро, предназначенных для борьбы с последствиями пандемии в Польше. Вдобавок в декабре 2020 г. открылся судебный процесс против верховенства польского права над европейским, по решению которого государство должно уплатить штраф в миллионах евро [10, с. 83–87].

Кроме правовых вопросов, краеугольным камнем между Варшавой и Брюсселем являются такие вопросы, как фактически полный запрет аборт в Польше и провозглашение нескольких центральных и восточных воеводств «зонами, свободными от ЛГБТ». Такие «проявления консерватизма» раздражают еврочиновников и еще более усиливают напряженность отношений РП и ЕС.

В свою очередь, для Польши, по утверждению ее правительственных кругов, членство в Евросоюзе не только способствует подъему экономики, но и приносит существенные проблемы. Экономика страны очень сильно привязана к европейской и реагирует на все её трудности и колебания. ЕС диктует стране свои правила, фактически консервирует развитие Польши, мешая созданию её собственных наукоемких передовых отраслей. В республику перенесли часть производств из Германии, Нидерландов, Швеции – однако выручка уходит за рубеж. В частности, французский президент Эммануэль Макрон принял решение перенести завод по производству стиральных машин компании «Whirlpool» из Франции в Польшу. Объясняется это возможностью нанять более дешевую рабочую силу на менее достойных условиях труда. Польский премьер Матеуш Моравецкий заявил в СМИ, что это равносильно «дискриминации». С другой стороны, иностранные заводы дают десятки тысяч рабочих мест, при этом Евросоюз огромные средства вкладывает в польские дороги, транспорт, портовую инфраструктуру [11].

Польские власти за получение безвозвратных грантов давали обещание укреплять систему здравоохранения, внедрять экологичные технологии и чистый транспорт, переходить на возобновляемые источники энергии, развивать инфраструктуру связи 5G. За это ЕС ставил определенные условия в сфере промышленности. При решении возникших разногласий Варшава сможет получить еще и дополнительные деньги за постепенное закрытие угольной промышленности, которая особенно загрязняет

окружающую среду. Но уголь в Польше – это огромный работодатель. Шахты, на которых горнякам платят относительно хорошо, сконцентрированы в политически важном регионе Силезия, поэтому ни одно из предыдущих правительств не смогло реформировать угольную промышленность.

Политикой ЕС, экономическими условиями, предъявляемыми к Польше, недовольны и аграрии: Западная Европа не принимает их товар, поставляя свой собственный. Польские фермеры периодически проводят акции протеста, перекрывая автодороги в населенных пунктах. Однако сельское хозяйство страны уже не может существовать без «денег Брюсселя».

Идеи Э. Макрона, как сторонника «разноскоростной Европы» вызывают особые опасения Польши по поводу своего места и влияния в ЕС. Правительство РП подозревает, что богатые европейские соседи, стремящиеся к углублению сотрудничества между собой, подорвут единый рынок, сократят финансовую поддержку менее богатых стран и сместят свои финансовые потоки в свою сторону. Французский президент выступает активным сторонником общего бюджета еврозоны. Польша до сих пор не спешит переходить на евро, ссылаясь на то, что необходима гибкость национального обменного курса в случае возникновения сложного финансового положения в стране. При этом РП является крупнейшим бенефициаром средств ЕС на инфраструктурные проекты, бедные регионы и повышение конкурентоспособности экономики. Создание общего европейского бюджета означало бы резкое сокращение финансирования экономики [11].

Еще одним сложным направлением взаимоотношений РП и ЕС может стать проблема миграции. Как, например, заявил глава белорусского государства Александр Лукашенко, руководство Польши по ситуации с мигрантами доставляет Евросоюзу не меньше проблем, чем Беларусь. Транзит мигрантов, по его словам, выглядит так: «Самолетами они летят сюда, пользуются безвизовым режимом, который у нас существует. Здесь их тоже принимают соответствующие люди, ведут на границу, перебрасывают туда. А там – в Польше, Литве и других странах – самые бандюганы сидят, которые их принимают в Польше, к примеру. И отправляют дальше в Германию. Они же не в Польшу идут. Они идут в Германию, Францию, отчасти в Великобританию. Для них границ нет». При этом он отметил, что страны ЕС развернули гибридную и санкционную войну против Беларуси и в таких условиях Беларусь навстречу ЕС идти не будет. Страны Запада сами виноваты в кризисе с мигрантами. «Вы их туда звали. Вы разорили там эти страны. Вы – первопричина того, что люди бегут от войны на Запад. Поэтому надо разбираться там. И я уже не раз подчеркивал, что это международная банда, которая оттуда людей перевозит не только через Беларусь. Через Средиземное море еще больше идет в ЕС народа. Валом идут. И это все организовано соответствующими людьми», – сказал А. Лукашенко [12].

Однако в целом население Польши высоко ценит членство в Евросоюзе и те привилегии, которые оно имеет от этого. Мнение польской общественности выразил журналист Енджей Белецкий в статье «ЕС сейчас не может согласиться с выходом Польши из Евросоюза». Этому препятствует как минимум международная расстановка сил. «Пока Китай переходит к наступлению, Россия становится все агрессивнее, ... Европейскому союзу необходимо сохранять свою сплоченность». Но ЕС не может дать свое согласие на откровенное нарушение норм европейского права, поэтому ради общих целей Польше необходимо принять верховенство европейских законов над национальными на практике, а не только теоретически [13].

Что принесло в итоге Польше членство в ЕС, по мнению самих поляков? На эту тему вышел сборник докладов, приуроченный к 15-летию события. В проведенном исследовании проанализированы различные аспекты отношения поляков к Европейскому союзу.

Как утверждает Иоанна Попелавска, подводя итоги, указанные в статьях каждого автора, – в общем и целом членство в ЕС принесло несомненные выгоды. Страна существенно подтянула уровень своего развития ближе к общеевропейскому. Особенно заметны экономические результаты – благодаря приобщению к единому европейскому рынку наблюдается активное развитие внешней и внутренней торговли. Также государство получило значительную сумму субсидий на подъем экономики, промышленности и сельского хозяйства.

При этом отмечается, что европейское право оказало влияние на национальное законодательство Польши: «Качество действующего закона улучшилось – это принесло пользу гражданам, и прежде всего предпринимателям, а также улучшилось качество польской системы правосудия». Но в государстве распространен и негативный имидж законодательства ЕС, которое якобы чрезмерно регулирует национальную правовую систему. Поэтому в польских правящих кругах постоянно и встает вопрос, какие законы считать приоритетными – европейские или национальные.

Если говорить о последнем этапе деятельности Польши в составе Европейского союза, отмечается охлаждение отношений Республики Польши с европейскими странами после утверждения у власти консервативно-националистической партии PiS. Это происходит, несмотря на тот факт, что страну объединяют с Европой многие факторы, в том числе единое восприятие истории XX века и «страх перед Россией». Для нового правительства характерен евроскептицизм, еще в предвыборной программе оно заявило о преобладании национальных интересов над общеевропейскими [14].

Следует отметить еще и американско-ориентированную политику польского руководства. По мнению авторов сборника докладов «15 лет Польши в Евросоюзе», страна является самой атлантически-ориентированной в ЕС. Причина этому – «ощущения угрозы Польше со стороны России и готовность Соединенных Штатов взять на себя основное бремя политики сдерживания». Игнаций Моравски в своей статье сделал акцент на экономических составляющих участия польского государства в Евросоюзе. «Польша уже съела легкие плоды членства», – утверждает он и выделяет для нее две стратегические задачи. Если она стремится быть участником экономических отношений ЕС, то должна ориентироваться на поддержание принципов единого рынка, которые выгодны для польской экономики, и реагирование на более сильную общую валюту – евро [15].

В статье Павла Свободы «Уже пятнадцать лет Польша в Евросоюзе: игра с высокой ставкой» отмечается, что проблемы РП явно увеличились, но в целом она вписывается в общие тенденции развития Союза. В ближайшие годы ЕС также будет озадачен технологической революцией, созданием оборонного союза, экологической и социальной политикой, ориентированной на модернизацию государства всеобщего благосостояния. Хотя традиционно почти все эти направления вызывают озабоченность в Польше, но, по словам П. Свободы, она может сыграть в них положительную роль, и все зависит от желания польского руководства поддерживать дружеские отношения со странами ЕС. Также для укрепления связей с европейскими государствами стране необходимо «обновление демократического дискурса и восстановление верховенства закона» [16].

Что касается населения страны, то, как показали результаты исследований, поляки в значительной степени (87 %) настроены проевропейски. При этом в течение последних 30 лет в Польше наблюдался постоянный рост негативного отношения к своему правительству, что измеряется снижением общественного доверия почти ко всем институтам политической системы. Больше всего в этих оценках потерял Сейм – доверие к нему упало с 67 % в 1990 году до 22 % в 2017 году. Наихудшими в рейтинге доверия оказались политические партии. В 2017 году только 10 % опрошенных граждан заявили о доверии к ним. Исключениями являются органы государственного управления и полиция, к которым все еще демонстрируется повышенное доверие населения [17].

Можно утверждать, что европейскость проникла в повседневную жизнь поляков, став системой отсчета для оценки окружающей действительности. В настоящее время многие европейские страны и даже сама Европа в целом стали моделью или даже эталоном, по которому люди оценивают свою собственную жизнь и деятельность польского государства. Особенно поляки оценили свободу передвижения между государствами-членами ЕС, обратили внимание на более высокое качество жизни и лучшую систему социального обеспечения. Такая близость Европы – это новый опыт, который сильно влияет на ожидания, предъявляемые гражданами к польскому государству, воспринимаемому как менее эффективное и справедливое, отделенное от среднестатистического жителя страны.

Результатом этих сравнений является формирование трех в целом отдельных представлений об отношениях, что связывает польскую идентичность с европейской идентичностью:

- первым и наиболее распространенным является представление Европы как «старшего брата» и соответствующее отношение к Польше как «младшему брату», где доминирующим чувством является чувство неполноценности. Такое представление формирует более низкий по сравнению с европейским уровень жизни поляков – условия труда, заработная плата, социальные гарантии. Это сопровождается восприятием Польши как страны, в которой не так хорошо жить по сравнению с другими европейскими странами, и восприятием поляков как нации менее цивилизованной, чем другие европейские общества;

- второе видение относит европейские страны к числу тех, кто «заблудился», отказавшись от «истинно европейских ценностей», ядром которых является христианская вера. Эти отношения подпитываются чувством превосходства, в которых поляков представляют как «хранителей европейских ценностей». Им также предоставляется право определять степень европейскости и индивидуальных ценностных ориентаций;

- третье представление утверждает, что Польша просто является частью Европы и связана с ней отношениями равенства и что поляки – просто европейцы. Такое отношение не сопровождается каким-либо эмоциональным окрасом, а характеризуется открытостью ценностям и идеям, предлагаемым ЕС, при этом Польша остается относительно свободной от запретов и комплексов.

Эти три типа представлений вместе образуют символический набор мыслей и эмоций, характерных для поляков, когда необходимо изложить свою позицию по вопросам, поднятым в ходе публичных дебатов [18].

Совсем недавно в мировой прессе обсуждался вопрос о возможности выхода РП из состава Евросоюза вслед за Великобританией. В статье «Полексит: три причины, по которым Польша выйдет из ЕС, и три причины, почему не выйдет» [19] затронута тема о недавней угрозе Польши наложить вето на бюджет ЕС, что вызвало бурную

дискуссию о будущем страны в блоке. В ноябре 2020 г. польское правительство вместе с Венгрией заблокировало бюджет организации в размере 1,8 трлн евро и фонд восстановления после пандемии, поскольку он включает механизм, связывающий деньги блока с верховенством закона. Это побудило оппозицию предупредить, что Польша находится на пути к выходу из ЕС. Их беспокоит то, что правительственная риторика, изображающая Союз как чуждую и недружественную силу, в конечном итоге запямятает его и затем создаст импульс для выхода, как это произошло с Великобританией. «У правительства нет мандата вывести нас из Союза, не спросив об этом нацию», – заявил Томаш Гродзки, спикер контролируемого оппозицией Сената в общенациональном обращении. Министры и высокопоставленные политики, принадлежащие к правой коалиции, возглавляемой PiS, а также их союзники в СМИ все чаще проявляют антибрюссельский тон.

Несмотря на негативные высказывания, правительство настаивает на том, что оно не намерено покинуть ЕС, а просто хочет, чтобы он оставался верным своей первоначальной цели – свободному союзу национальных государств, а не либеральному федералистскому проекту. «Мы громко говорим «да» Европейскому союзу и громко говорим «нет» репрессивным механизмам», – заявил премьер-министр Матеуш Моравецкий.

Можно выделить несколько причин, по которым Польша может оказаться вне блока или, наоборот, остаться в ЕС. Первая причина полексита – это то, что ценности Польши не совпадают с ценностями многих других стран ЕС. Когда политики партии PiS объясняют, почему они в ноябре 2020 г. на бюджетную сделку наложили вето, они практически не используют такие понятия, как «фонды» или «деньги». А чаще всего политики используют такие термины, как суверенитет, идеология либо цивилизация. Как ранее заявлял лидер партии Ярослав Качиньский: «Согласие на условия верховенства закона в бюджете было бы «потерей суверенитета для нашей страны». Это подчеркивает истинный характер борьбы между Брюсселем и Варшавой – она не столько о политике, сколько о ценностях.

Политики PiS склонны изображать ЕС как ультралевый проект, во главе которого нет четко определенной идеологической составляющей и который используется как некое прикрытие для возрастания контроля со стороны Германии над ЕС. Неважно, идет ли речь о верховенстве закона, решении глобальных проблем, абортах или защите прав ЛГБТ-сообществ – многие политики PiS видят в этом навязывание ЕС «западных» или «либеральных» ценностей консервативной и христианской Польше. Поэтому ценностный вопрос не дает Варшаве и Брюсселю прийти к согласию по различным политическим направлениям. «Мы на правильной стороне истории, и те, кто хочет лишить нас суверенитета, исходя из собственных прихотей, обречены на провал», – сказал Я. Качиньский в недавнем интервью.

Также среди причин выхода можно назвать антиевропейские настроения некоторых сторонников правительства. М. Моравецкий недавно выступил перед Сеймом с речью в защиту бюджетного вето, в которой он сравнил блок с бывшим коммунистическим режимом Польши, протестуя против «произвольных решений» «еврократов» и «европейской олигархии». При этом высокопоставленные чиновники подчеркивают, что они не фанаты полексита. Но оппозиционные партии настаивают на том, что, хотя выход из блока может и не стоять в ближайших планах PiS, действия Евросоюза могут привести к такому исходу [19].

Заместитель министра государственных активов Януш Ковальский в своем Твиттере отметил, что «членство в ЕС является одним из инструментов для достижения

цели, которая заключается в величии Польши. Только. И никогда не наоборот». Он также подчеркнул, что финансовые вливания фондов ЕС, которые содействовали модернизации Польши, не идут ни в какое сравнение с той прибылью, которые извлекают западные компании в самой республике [19].

Третья возможная причина полексита – пребывание Польши в ЕС может не соответствовать долгосрочным интересам лидера партии PiS Я. Качиньского для которого ЕС не имеет решающего значения в его видении восстановления Польши с нуля². Он стремится отрезать страну не только от «коммунистического прошлого», но и от периода реформ 1990-х – этапа, который он характеризует как пронизанный коррупцией и лоббированием проевропейских интересов. Чтобы этот проект увенчался успехом, PiS необходимо усилить контроль над судами, подготовить свои кадры, лояльную элиту в различных институтах власти СМИ. При этом отказываться от дальнейших правовых изменений правительство не намерено. Данное обстоятельство значительно ухудшает отношения с Брюсселем.

Но тем не менее, несмотря на негативные тенденции, считается, что полексит стране не грозит. И в первую очередь потому, что в отличие от своего правительства поляки – одни из самых больших энтузиастов еврозоны в блоке. Согласно опросу общественного мнения, проведенного в 2020 г., 81 % населения выступил за то, чтобы остаться в составе ЕС. Другой опрос показал, что 73 % поляков поддерживают идею увязки верховенства закона с бюджетом. Неудивительно, т. к. с момента вступления в ЕС Польша получила 127 млрд. евро чистого дохода. То есть больше, чем любая другая страна Европы. Эти денежные средства преобразили РП, были построены новые дороги, мосты, школы, очистные сооружения, футбольные поля и многое другое, что изменило в лучшую сторону жизнь граждан. Согласно данным правительства, с 2004 г. порядка 2 млн. жителей Польши смогли свободно пересечь границу и найти работу в ЕС. Таким образом, страна получит 139 миллиардов евро средств и примерно 34 миллиарда евро кредитов из следующего бюджета и механизма восстановления, который был заблокирован правительствами Польши и Венгрии.

Второй причиной, по которой Польше лучше остаться в еврозоне, – это поддержка ее экономики. Брексит (выход Великобритании из ЕС) показал, насколько сложно разделить экономику страны-члена от остальной части единого европейского рынка. Для Польши выход из ЕС означал бы серьезный удар по ее экономике, подобно стихийному бедствию, поскольку польские компании осуществляют вывоз и ввоз товаров преимущественно в рамках единого рынка ЕС. В 2018 г. на ЕС приходилось почти 80 % польского экспорта и 58 % импорта. За счет вливания значительных объемов иностранных инвестиций экономика Польши развивалась стремительными темпами, превратившись в значительную промышленную составляющую Европы. Фонды Евросоюза и участие в едином рынке в значительной степени способствовали увеличению благосостояния поляков. По данным Евростата, их доход на душу населения увеличился с 45 % от среднего по ЕС в 2004 году до 70 % в 2017 году – лучший результат в Польше за всю ее историю. Польша, занимая 21-е место по номинальному объему ВВП, в значительной степени зависит от своих более благополучных в экономическом плане соседей, той же Германии или Великобритании. Поэтому выход из ЕС

² Имеется в виду программа Я. Качиньского создать новую, IV Речь Посполитую как государство, полностью свободное не только от негативного наследия социалистического прошлого, но и от приобретенных за последние двадцать с лишним лет «сомнительных» ценностей либерального общества. В своей политической деятельности партия активно противопоставляет европейские и польские ценности, основанные на католических традициях.

и вследствие этого установка различных торгово-тарифных барьеров между Польшей и остальными странами ЕС не в экономических интересах последней.

И последняя причина, по которой Польша не выйдет из ЕС, заключается в том, что на сегодняшний день, согласно мнению экспертов, страна переживает самый безопасный и процветающий период как минимум за последние четыре столетия своей истории. Развитие взаимоотношений Польши с Североатлантическим альянсом и Европейским союзом позволили ей выйти из так называемой «сферы влияния Москвы». При этом ситуация может вновь кардинально измениться, если Польша решит выйти из состава ЕС в качестве отдельной политико-экономической единицы. Кроме того, польские официальные лица часто отмечают важность развития взаимоотношений в рамках других региональных союзов: Вышеградской группы или «Инициативы трех морей», направленных на объединение стран между Балтийским, Адриатическим и Черным морями. В то же время все эти страны, входящие в региональные союзы, также являются членами ЕС, поэтому трудно представить, что они отдадут свое предпочтение отношениям с Варшавой, а не с Брюсселем в случае отделения Польши от Евросоюза [19].

Выводы

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что польское население довольно членством своего государства в Евросоюзе. Также наблюдался относительно высокий, особенно по сравнению с национальными социально-политическими институтами, уровень доверия к ЕС. Изменения в установках и ценностях, зафиксированные в период между 1990 и 2017 гг., демонстрируют значительный рост понимания демократии как формы управления и гендерного равенства. В последние годы также возросли устремления, связанные со свободой, а также уровень терпимости к группам меньшинств.

Повседневная жизнь в странах ЕС все чаще используется в качестве своеобразного ориентира, с помощью которого люди оценивают уровень своей собственной жизни и работу государственных институтов. Эти оценки влияют на ожидания, высказанные в отношении польского государства и формирования польской идентичности. Кроме того, направление будущего развития ЕС будет также определяться его государствами-членами, но реальный прогресс будет зависеть от эволюции управления в рамках всего Союза, модели принятия решений, учёта разнообразных интересов и проводимых политических реформ. Но даже такой сценарий не должен означать скатывания к саморазрушению. Брексит был подобен холодному душу и сработал как сигнал к пробуждению для ЕС. После такого опыта маловероятно, что другие страны захотят покинуть европейское сообщество, потому что прекрасно понимают, что в смутные времена или поворотные моменты и в кризисы ЕС ищет силу в единстве. Для Польши в геостратегическом контексте единство ЕС имеет экзистенциальное измерение. Вот почему осознание того, что будущее Европы зависит от игры ценностей и интересов конкретной страны, не должно заслонять ценности, которые укрепляют сотрудничество внутри Европы.

В России же обращают внимание на то, что антиевропейская политика польского руководства обернулась в итоге против самой страны. Сильно ухудшились отношения с Германией. Уже который год PiS не перестает поднимать тему военных репараций. В одном из российских источников высказывается следующее мнение: если страна будет продолжать свою линию, «Польшу можно проигнорировать, превратить её в страну рабочей силы и некий буфер между ними и Россией». А опрос

среди поляков показал, что «уход польского правительства от нынешнего политического курса, который противоречит польским национальным интересам, необходим, хотя его и сложно себе представить. Поэтому, к сожалению, нас ждёт дальнейшее падение и одиночество...» [20].

В данный момент Польша вместе с Евросоюзом активно проводит политику санкций против России. Все остальные разногласия отошли на дальний план. М. Мораецкий с самого начала военных действий на Украине убеждал европейские страны в том, чтобы ввести самые жесткие санкции. В конце марта он предлагал полностью отрезать Россию от европейской торговли – морской и сухопутной. В одном из выступлений премьер высказался о том, что Польша готова полностью отказаться от поставок российской нефти и газа. Он обвинял Германию в торможении новых санкций, заявляя о том, что крупные и богатые западные державы боятся за свой бизнес, поэтому отказываются ужесточать меры. В недавнем письме главе Еврокомиссии Урсуле фон дер Ляйен, Мораецкий, о котором Д. Медведев выразился «слетел с катушек» из-за русофобии, выразил негодование о том, что западные санкции против России не работают, по крайней мере, в том объеме, в котором планировал Евросоюз. Это доказывает факт, что курс рубля вернулся к тому значению, которое наблюдалось до военных действий. Более того, европейские санкции обернулись против западных стран, вызвав резкое повышение цен на топливо, энергоносители и даже продукты питания. Несмотря на это, глава польского правительства призвал страны ЕС «беспрецедентно» увеличить расходы на усиление армии, чтобы Европа смогла ее противопоставить против России. «... Либо мы заплатим за свою безопасность более высокими расходами, либо мы заплатим кровью наших солдат». Глава польского правительства, кроме торговых запретов, требует полного отключения всех российских банков от системы SWIFT, жесткой конфискации счетов «олигархов», замораживания всех активов членов партии «Единая Россия» и приостановления выдачи виз россиянам, намеревающимся въехать на территорию Союза.

Таким образом, подводя итоги пребывания Польши в системе ЕС, можно утверждать, что с началом войны на Украине она действует не просто заодно с другими странами Запада, но является главным идеологом антироссийской политики, ужесточения санкций против «тоталитарно-фашистской» России. По мнению премьера Мораецкого, Европа не осознает всей опасности, исходящей от нашей страны, и Польша призвана спасти европейский мир от российской экспансии [21]. Возможно, такими действиями польское правительство стремится повысить свой авторитет на уровне Евросоюза и свою значимость в мировом политическом процессе.

Ссылки

1. Polska w Unii 17 lat później. Stały przedstawiciel przy UE: to historia sukcesu // Polskie radio 24.pl. 01.05.2021. URL: <https://polskieradio24.pl/5/1223/Artykul/2726010,Polska-w-Unii-17-lat-pozniej-Staly-przedstawiciel-przy-UE-to-historia-sukcesu> (date of access: 12.10.2021).
2. Golinowska S. Our Europe: 15 years of Poland in the European Union: Main conclusions and supplementation to the CASE Report // Center for Social and Economic Research. URL: https://www.case-research.eu/files/?id_plik=6170 (date of access: 12.10.2021).
3. Fiszer J. Warszawa Polska prezydencja w Radzie Unii Europejskiej (sukcesy i porazki) // Przegląd politologiczny. 02.11.2018. DOI: 10.14746/pp.2012.17.2.3
4. Karolewski I. P., Wilga M. Poland and the European Union // Oxford Research Encyclopedias. 26.02.2018. DOI:10.1093/acrefore/9780190228637.013.258

5. Mortera-Martinez C. How to solve a problem like Poland // Centre for European Reform. 03.11.2021. URL: <https://www.cer.eu/insights/how-solve-problem-poland> (date of access: 18.03.2022).
6. «Legal Polexit»: Poland court rules EU measures unconstitutional // The Guardian. 14.07.2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jul/14/legal-polexit-poland-court-rules-that-eu-measures-are-unconstitutional> (date of access: 12.10.2021).
7. You are playing with fire: EU faces crisis over Polish court ruling // Reuters. 08.10.2021. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/polish-court-ruling-plunges-eu-into-new-crisis-eu-ministers-say-2021-10-08/> (date of access: 13.10.2021).
8. В Варшаве выступили за обсуждение возможности переписать договор о ЕС // Regnum. 14.10.2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3397663.html> (дата обращения: 14.10.2021).
9. Marek Suski mówi o walce z «okupantem brukselskim» // Onet Wiadomości. 09.09.2021. URL: <https://wiadomosci.onet.pl/kraj/marek-suski-mowi-o-walce-z-okupantem-brukselskim/30xsyyt> (date of access: 29.04.2022).
10. Михалев О. Куда ведут Польшу проблемы в отношениях с ЕС // Вишеградская Европа. 2021. № 2. С. 79–95.
11. Kelly L., Than K. Macron's win adds to Poland's worries about its place in EU // Reuters. 14.05.2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-election-poland-hungary-analysis-idUSKCN18A0BN> (date of access: 19.03.2022).
12. Alexander Lukashenko: Poland on a situation with migrants delivers problems of EU not less, than to us // Regnum. 27.09.2021. URL: https://regnum.ru/news/3382327.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (date of access: 18.03.2022).
13. Bielecki J. Unii nie stać teraz na polexit // Rzeczpospolita. 17.10.2021. URL: <https://www.rp.pl/opinie-polityczno-spoleczne/art19022221-jedrzej-bielecki-unii-nie-stac-teraz-na-polexit> (date of access: 13.10.2021).
14. Popielawska J. Autorzy raportu o piętnastolecu Polski w Unii Europejskiej – podsumowanie // In.europa.pl. 2019. URL: <http://ineuropa.pl/in15/autorzy-raportu-o-pietnastolecu/> (date of access: 13.10.2021).
15. Morawski J. Wpływ integracji europejskiej na polską gospodarkę // In.europa.pl. 2019. URL: <http://ineuropa.pl/in15/wpływ-integracji-europejskiej/> (date of access: 12.10.2021).
16. Świeboda P. Piętnaście kolejnych lat Polski w Unii Europejskiej: gra o wysoką stawkę // In.europa.pl. 2019. URL: <http://ineuropa.pl/in15/pietnascie-kolejnych-lat/> (date of access: 12.10.2021).
17. Overwhelming majority of Poles for staying in EU - poll // The First News. 23.11.2020. URL: <https://www.thefirstnews.com/article/overwhelming-majority-of-poles-for-staying-in-eu---poll-17825> (date of access: 13.10.2021).
18. Konieczna-Salamatin J., Marody M., Sawicka M. European values through polish eyes our Europe: 15 years of Poland in the EU // Center for Social and Economic Research. 27.05.2020. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3586525 (date of access: 11.10.2021).
19. Want Z., Cienski J. Polexit: 3 reasons why Poland will quit the EU and 3 why it won't // Politico. 30.11.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/polexit-poland-veto-kaczynski-morawiecki-polexit-brexit-eu/> (date of access: 18.03.2022).
20. Jan Truszczyński, Wojciech Warski: Nie chcemy być sami i słabi w Europie i na świecie // Rzeczpospolita. 13.07.2021. URL: <https://www.rp.pl/wydarzenia/art25571-jan-truszczyński-wojciech-warski-nie-chcemy-być-sami-i-słabi-w-europie-i-na-swiecie> (date of access: 18.03.2022).
21. «Zablokujemy handel z Rosją». Premier Mateusz Morawiecki apeluje do Komisji Europejskiej // Polskie radio 24.pl. 19.03.2022. URL: <https://polskieradio24.pl/42/273/artykul/2923132,zablokujemy-handel-z-rosja-premier-mateusz-morawiecki-apeluje-do-komisji-europejskiej> (date of access: 28.04.2022).

National projects in the political process (on the example of the project "Safe high-quality roads" in the Yaroslavl region)

O. V. Petrova¹

¹Department of Road Management of the Yaroslavl region, 42a Tchaikovsky str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-288-299

Research article
Full text in Russian

The article examines the impact of national projects on election campaigns at the federal and regional levels. Modern standards in the formation of public policy, administration of expenditures, monitoring, planning and evaluation of national projects are also analyzed. The importance of project management for the socio-economic and political development of Russia is formulated, including the strategic and tactical goals of the implementation of national projects in the political field. The main aspects of national project management, prerequisites for the formation of national projects, their formation and development are also considered. The author compares the mechanisms of formation of state programs, including the use of project and program-target mechanisms. The features of national projects are analyzed. The article considers the national project "Safe High-quality roads" as an example. The main plans for 2022 are analyzed, including the costs of implementing the project at the federal and regional levels. The structure of project management in the Yaroslavl region is considered, the importance of the national project "Safe high-quality roads" for the region is established. Gaps related to the participation of citizens in the formation of road work plans in the industry have been identified a critical analysis of citizens' appeals has been carried out. Examples of the expected results of the ongoing reforms are given. Conclusions have been formulated and proposals have been prepared to improve the management of the national project «Safe High-quality Roads», including in the Yaroslavl region.

Keywords: project management; state; civil society; national projects; information; policy; socio-economic development; election campaigns

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Petrova, Oxana V. | E-mail: Oksana79127@mail.ru
Deputy Director

For citation: Petrova O. V. National projects in the political process (on the example of the project "Safe high-quality roads" in the Yaroslavl region) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 3. P. 288-299. (in Russ.)

Национальные проекты в политическом процессе (на примере проекта «Безопасные качественные дороги» в Ярославской области)

О. В. Петрова¹

¹Департамент дорожного хозяйства Ярославской области, ул. Чайковского, 42 а, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-288-299
УДК 321.01

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается влияние национальных проектов на избирательные кампании федерального и регионального уровней. Также проанализированы современные стандарты при формировании государственной политики, администрировании расходов, мониторинге, планировании и оценке национальных проектов. Сформулировано значение проектного управления для социально-экономического и политического развития России, в том числе установлены стратегические и тактические цели внедрения национальных проектов в политическом поле. Также рассмотрены основные аспекты управления национальными проектами, предпосылки формирования национальных проектов, их становление и развитие. Проводится сравнение механизмов формирования государственных программ, в том числе с использованием проектного и программно-целевого механизмов. Проанализированы особенности национальных проектов. В статье в качестве примера рассматривается национальный проект «Безопасные качественные дороги». Проанализированы основные планы на 2022 год, в том числе затраты на реализацию проекта на федеральном и региональном уровнях. Рассмотрена структура управления проектом на территории Ярославской области, установлено значение национального проекта «Безопасные качественные дороги» для региона. Выявлены пробелы, связанные с участием граждан в формировании планов дорожных работ в отрасли, в частности, проведен критический анализ обращений граждан. Приведены примеры предполагаемых результатов проводимых реформ. Сформулированы выводы и подготовлены предложения по совершенствованию управления национальным проектом «Безопасные качественные дороги», в том числе в Ярославской области.

Ключевые слова: проектное управление; государство; гражданское общество; национальные проекты; информация; политика; социально-экономическое развитие; избирательные кампании

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Петрова, Оксана Валерьевна | E-mail: Oksana79127@mail.ru
Заместитель директора

Для цитирования: Петрова О. В. Национальные проекты в политическом процессе (на примере проекта «Безопасные качественные дороги» в Ярославской области) // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 3. С. 288-299.

О новом механизме достижения стратегических целей развития России заговорили в сентябре 2005 года. Именно тогда Президент Российской Федерации В. В. Путин выступил с инициативой «существенного повышения качества жизни граждан России» [1, с. 91] с использованием нового направления государственной политики, призванного комплексно решить экономические и социальные задачи, стоящие перед государством.

Проектам предназначалась глобальная роль. Экономика и социальная стабильность должны были выйти на качественно новый уровень развития [2, с. 23]. При этом предполагалось задействовать только имеющиеся ресурсы. На приоритетность национальных проектов, механизма их реализации значительно повлияла тенденция, проявившаяся в первом десятилетии XXI века [3, с. 14]: «закат либерализма в его чистом виде и усиление роли государства и социальной составляющей политики развитых стран» [4, с. 20]. В России сформировавшийся еще в 90-ые годы и значительно ослабший к двухтысячным либерализм продолжал оказывать идеологическое и кадровое влияние на инерционность процессов в финансовом и экономическом секторах [5, с. 7].

Переход на национальные проекты также был связан с началом использования проектного управления¹, через который снималась разобщенность между уровнями власти по вертикали, формировалась системность поставленных задач и реализация единых замыслов, объединённых конечной целью. Транш сквозного планирования обеспечивался с помощью закрепления зон ответственности за реализацию национального проекта, в том числе за достижение целевых показателей и организацию работы.

В основу управления заложен принцип курирования проектов вице-преьерами Правительства Российской Федерации, на уровне субъектов – высшими должностными лицами, местный уровень представлен главами муниципальных образований. Кроме того, за участниками проекта закреплялась зона ответственности. С помощью законодательного регулирования проектное управление формировало единство нормативно-правовой основы для принятия управленческих решений. Проекты состояли из федеральных проектов. Их количество определялось исходя из целевых функций отрасли, в которой формировался проект. основополагающим документом в проектном управлении стал паспорт проекта, содержащий всю основную информацию о проекте: наименование, описание целей и задач, перечисление участников, указание на объёмы и источники финансирования. Взаимосвязь с финансовой составляющей устанавливалась через трехлетнее планирование бюджетов. Это позволяло привнести высокое целеполагание в использовании бюджетных средств и их максимальную эффективность.

Большое значение придавалось открытости и возможности участия общества на всех этапах реализации проектов. Фактически национальные проекты позволили переосмыслить сущность всех действующих государственных программ и сместить фокус внимания на социальную значимость в их реализации. Максимальная консолидация всех имеющихся финансовых и административно-организационных ресурсов при поддержке народа могли обеспечить значительное разви-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.07.2022).

тие государства и общества. Конечно, национальные проекты в значительной мере вытеснили, но не отменили использование государственных программ. Отличительная особенность программ – реализация в пределах одного или нескольких ведомств на основе документа законодательно установленной формы.

Отличительной особенностью проектов стала возможность реформирования отраслей экономики [6] и вложения в человеческий капитал. Базисной основой проектов стал конгломерат двух действий: социального реформирования и структурных изменений отраслей. Взаимосвязь этих двух направлений очевидна. Модернизация любых отраслей экономики невозможна без квалифицированных кадров. А для привлечения квалифицированных кадров требуется регулирование уровня заработной платы. Первый национальный проект был сформирован в области обеспечения граждан доступным жильем [7]. Подготовка была организована рабочей группой при администрации Президента. Опросы граждан, строительных организаций были направлены на глубокое изучение реальной картины в строительной отрасли по обеспечению доступным жильем, проблем, а самое главное – перспектив развития. В результате деятельности рабочей группы были сформированы меры, включающие в себя не только строительство новых жилых домов, но и действия на рынке строительных материалов, развитие ипотечного кредитования. В этот период было подготовлено более 27 нормативно-правовых актов, в том числе фундаментальные изменения в Градостроительном и Жилищном кодексах.

В этот же период была сформирована номенклатура социально-экономических приоритетов, которые были заложены в основу национальных проектов [8, с. 121]. Проектам отводилась решающая роль в преобразовании социальной и экономической стабильности в экономическое и социальное развитие вне зависимости от внешне-экономического влияния. После строительной отрасли сформированы проекты в отрасли образования, здравоохранения и сельского хозяйства. Чуть позже к ним присоединились экология и культура. О серьезном отношении власти к новому механизму можно говорить в цифрах. Так, в 2006 году на национальные проекты было выделено 160,0 млрд рублей. А в 2007 году – 200,0 млрд рублей [9, с. 38].

К середине двухтысячных годов национальные проекты получили новый толчок развития. Предпосылкой послужило отсутствие законодательно сформированных документов стратегического планирования [10, с. 50]. При этом достаточные поступления в бюджет от роста цен на нефть формировали задачи по созданию каналов их рационального использования. Национальные проекты удовлетворяли потребности в хозяйственном и социально-экономическом развитии России и ее регионов.

В 2016 году на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам Владимир Путин поставил задачу к 2018 году привести в нормативное состояние не менее половины дорожной сети крупных агломераций, а к 2025 году повысить этот показатель до 85 процентов [11]. В реализации проекта с 2017 года приняли участие 38 крупнейших агломераций. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам в 2018 году утвержден паспорт национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные доро-

ги» со сроком реализации 2018–2024 гг. Куратором проекта был назначен заместитель председателя Правительства Аркадий Дворкович, руководителем проекта стал первый заместитель Министра транспорта Российской Федерации Евгений Дитрих. В связи с принятием Указа Президента России от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»² национальный проект был расширен до четырёх федеральных проектов. В 2021 году утвержден обновленный паспорт проекта, в соответствии с которым продолжится реализация проектов «Региональная и местная дорожная сеть» (предыдущее название – «Дорожная сеть») и «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства». С 2021 года также стартовала реализация новых федеральных проектов «Развитие федеральной магистральной сети» и «Модернизация пассажирского транспорта в городских агломерациях». В новом правительстве Михаила Мишустина куратором проекта стал Марат Хуснуллин.

Однако реализацию национальных проектов нельзя односторонне рассматривать как систему развития экономической и социальной составляющих страны. По мнению некоторых исследователей, внедрение в политический процесс национальных проектов имело стратегические и тактические цели [12, с. 24]. Снижение социальной напряжённости, управление социально-политическими процессами способствовали формированию устойчивости власти в целом и легитимности органов власти в частности, сохранению преемственности заданного политического курса. Следует отметить, что в период формирования первых национальных проектов страна проходила избирательный цикл 2006–2007 годов, в пределах которого проводились две масштабные избирательные кампании по выборам депутатов Государственной Думы и Президента Российской Федерации. Внедрение национальных проектов имело важное политическое значение [13, с. 311]. Благодаря их реализации избирательные кампании описанного избирательного цикла отличались яркой социальной направленностью.

Для осуществления политического контроля исполнения национальных проектов в 2005 году создан Совет при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов³. Следует отметить, что состав Совета, его цели и задачи, а также механизм принятия и реализации решений были приняты крайне быстро.

Из-за политической наполненности [14, с. 193] механизмы реализации проектов подвергаются критике различными общественно-политическими группами. Дискуссии по вопросам технологий принятия решений, финансового регулирования и, главное, эффективности проектов были и будут выступать предметом дискуссий, поскольку от этого зависит и распределение финансовых потоков между проектами, а также распределение средств между регионами.

Снижение дифференциации и повышение социально-экономического уровня развития регионов – цели принятого к апробации механизма национальных проектов. Отметим, что при вступлении субъектов в тот или иной проект старто-

² Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития России до 2030 года // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.07.2022).

³ Указ Президента Российской Федерации от 21.05.2010 № 1226 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts> (дата обращения: 20.06.2022).

вые позиции регионов значительно отличались. Отличие фиксировалось не только в финансовых ресурсах, но и в человеческом капитале, а также в сложившейся системе политических и социальных связей.

Ярославская область принимает участие в реализации национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» с начала его образования. В 2019 году проект был переименован и стал называться «Безопасные качественные дороги». Финансовая мощность проекта в сравнении с началом его реализации впечатляет (диаграмма 1).

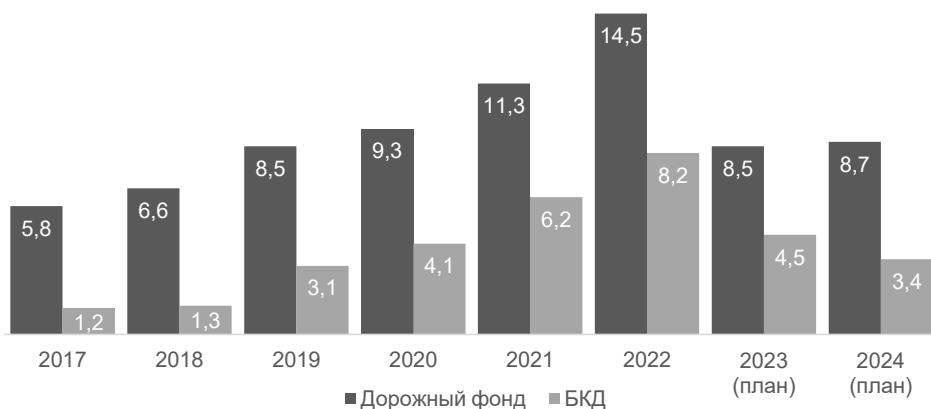

Диаграмма 1. Объем средств регионального дорожного фонда и объем средств национального проекта «Безопасные качественные дороги» по годам. Источник: [15, с. 1].

По сравнению с 2017 годом объем финансирования национального проекта «Безопасные качественные дороги» увеличился более чем в 7 раз (с 1,200 млрд рублей до 8,2 млрд рублей). В 2022 году на реализацию мероприятий в сфере дорожной деятельности предусмотрены средства в размере 14,5 млрд. рублей, из которых 4,5 млрд. рублей – средства федерального бюджета. Отметим, что соотношение областной доли в общем объеме реализации проекта составляет 4 процента. При этом фиксируется увеличение объема дорожного фонда по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 2,1 млрд. рублей. Значительное финансирование позволяет достигать показателей по приведению в нормативное состояние дорог. Так, в 2022 году на территории региона необходимо привести в нормативное состояние не менее 400 км дорог, из них 182 км региональных и 27 км дорог агломерации, остальные – это местная дорожная сеть муниципальных образований области. Работы по ремонту позволят достичь к концу года показателей по доле нормативного состояния региональных дорог не менее 46,5 %, дорог агломерации – 75 % [15, с. 1].

Организационно-управленческие мероприятия в регионе внедряются через региональный проектный комитет⁴, который возглавляет высшее должностное лицо региона. Куратором проекта является заместитель Председателя Правительства, курирующий вопросы строительства, развития жилищно-комму-

⁴ Постановление Правительства Ярославской области от 13.12.2017 № 929-п «Об утверждении состава регионального проектного комитета» (с изменениями на 17.03.2022) // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.07.2022).

нального комплекса, энергосбережения, тарифного регулирования и дорожного хозяйства. Ответственный исполнитель – департамент дорожного хозяйства области⁵. Это орган исполнительной власти субъекта, реализующий государственную политику в сфере дорожного хозяйства на территории области.

В период 2017–2018 годов основная стратегия приоритетных проектов была нацелена на крупнейшие городские агломерации: города и пригороды, в которых проживает от полумиллиона человек и более. Ярославская область в составе 37 регионов образовала Ярославскую агломерацию за счет «ядра агломерации» – города Ярославля – с численностью населения более 500 тыс. человек (основное условие участия в приоритетном проекте) [16, с. 3].

Согласно разъяснениям Минтранса России от 28.12.2016 № ЕД-24/18277⁶, под термином «городская агломерация» понимается образуемая крупнейшим городским округом – «ядром агломерации» – и муниципальными образованиями – «спутниками» – многокомпонентная система с интенсивными производственными, транспортными и культурными связями, в частности, наличием «маятниковой» трудовой миграции населения в пределах одних суток. Границы городской агломерации формировались исходя из «маятниковой» трудовой миграции, осуществляемой гражданами в пределах одних суток, включены муниципальные образования-«спутники», значительная часть населения которых постоянно проживает в данном муниципальном образовании и работает в городском округе – «ядре агломерации», при этом перемещение данных граждан из «спутников» в «ядро агломерации» и обратно осуществляется ежедневно.

Согласно разъяснениям Минтранса, в границы агломерации «Ярославская» была включена улично-дорожная сеть города Ярославля, а также федеральные, региональные, межмуниципальные и местные дороги на подходах к административному центру в Ярославском муниципальном районе в составе 7-ми сельских поселений и Тутаевском муниципальном районе в составе городского поселения Тутаев и Константиновского сельского поселения (за исключением участков дорог, на которых не производятся регулярные перевозки пассажиров автомобильным и городским электрическим транспортом).

Выбор состава агломерации обусловлен следующими факторами:

В областном центре (г. Ярославль) проживает 50 % всего населения области, сконцентрировано промышленное производство и трудовые ресурсы, пересекаются крупнейшие транспортные артерии: водные пути по р. Волга, железнодорожные и автомобильные направления на Архангельск, Кострому, Москву и Санкт-Петербург, расположен международный аэропорт Туношна.

2. Граничащие с г. Ярославлем поселения в составе Ярославского муниципального района являются зоной наиболее активных процессов взаимодействия городских и пригородных территорий, трудовых, культурно-бытовых, маятниковых миграций населения, зоной активной урбанизации, инвестиционных проектов, пригородного жилищного строительства, туристско-рекреационной

⁵ Постановление Правительства Ярославской области от 28.03.2018 № 195-п «Об утверждении положения о департаменте дорожного хозяйства Ярославской области» // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.07.2022).

⁶ Письмо Министерства транспорта России от 28.12.2016 № ЕД-24/1827 // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.07.2022).

деятельности. Значительная часть трудоспособного населения города Тутаева, населенных пунктов на территории сельских поселений между Тутаевом и Ярославлем трудоустроена в г. Ярославле и подвержена ежедневной «маятниковой» миграции. Это территории градостроительной активности, перспективного жилищного строительства.

Границы Ярославской агломерации в ноябре 2016 года были согласованы с ФАУ «РОСДОРНИИ» и Федеральным дорожным агентством.

Таким образом, проектные офисы (комитеты) созданы с учётом сквозного метода управления, в том числе в г. Ярославле, Тутаевском и Ярославском районах. Стоит отметить, что федеральная структура управления проектом полностью спроецирована на региональную площадку, специфика региона учтена в показателях паспорта проекта, рассчитанных исходя из экономического и социального развития Ярославской области.⁷

Основная часть мероприятий в сфере дорожной деятельности реализуется в рамках региональной целевой программы «Комплексное развитие транспортной инфраструктуры объединенной дорожной сети Ярославской области и городской агломерации «Ярославская» на 2020–2024 годы (РЦП)»⁸, Второй немаловажный блок дорожной деятельности сосредоточен на реализации ведомственной целевой программы «Сохранность региональных автомобильных дорог Ярославской области» на 2021–2024 годы.⁹

Крен в сторону дорог в Ярославской области обусловлен не только уровнем нормативного состояния дорог (для примера РИА Рейтинг составило список регионов, ранжировав их по состоянию дорог. Ярославская область оказалась на 77-м месте из 85-ти. Рейтинг составляли на основе данных Росстата, уточняют специалисты) [17], но и высокой заинтересованностью в проекте со стороны населения региона. Так, жители Ярославской области видят реальную проблему в текущем состоянии дорог региона, а динамика её актуальности констатирует улучшение ситуации в данной отрасли летом 2022 года.

На протяжении последних трёх лет¹⁰ проблема неудовлетворительного состояния дорог является доминирующей в региональном общественном сознании.

⁷ Постановление Правительства Ярославской области от 06.03.2014 № 188 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2030 года» (с изменениями на 31.12.2021) // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.07.2022).

⁸ Постановление Правительства Ярославской области от 31.03.2022 № 297-п «Об утверждении региональной целевой программы «Комплексное развитие транспортной инфраструктуры объединенной дорожной сети Ярославской области и городской агломерации «Ярославская» на 2020–2024 годы» // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.07.2022).

⁹ Постановление Правительства Ярославской области от 30.03.2021 № 168-п «Об утверждении государственной программы Ярославской области «Развитие дорожного хозяйства в Ярославской области» на 2021–2024 годы и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства области» // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.07.2022).

¹⁰ При подготовке настоящего материала использованы результаты мониторингового социологического исследования о социально-экономической и общественно-политической ситуации в Ярославской области за 2021–2022 гг. Опросы проводились методом телефонного интервью. На каждом из этапов в опросе приняли участие не менее 1200 жителей Ярославской области 18 лет и старше. Выборка репрезентативна для области в целом. Уровень достовер-

Она носит хронический характер и подвержена сезонному фактору. Традиционно самая высокая степень недовольства населения состоянием дорог фиксируется в весенне-летний период после схода снега и перед началом сезона ремонта дорожного полотна. В осенне-зимний период, когда жители области видят результаты ремонтных работ, актуальность проблемы плохого состояния дорог снижается, при этом актуализируется вопрос их уборки от снега.

Весенне-летний период 2022 года не стал исключением, продемонстрировав, как и в предыдущие годы, рост актуальности проблемы дорог в региональном социуме. Однако показатель недовольства дорогами, полученный в апреле–мае 2022 года, существенно ниже аналогичного показателя за апрель–май 2021 года – около 61 % и около 75 % соответственно. Наблюдаемую динамику можно считать вполне положительной. Поскольку она свидетельствует об общем снижении социального беспокойства, вызванного качеством дорог. Отчасти оно является следствием реализации в Ярославской области национального проекта «Безопасные качественные дороги». Жители области видят собственными глазами строительство новых дорог и ремонт старых, которые не обновлялись годами.

Тем не менее, учитывая результаты последних социологических замеров, по мнению населения, усилий власти по решению проблемы состояния дорог в регионе на сегодняшний день недостаточно.

Реализация национального проекта в летний период 2022 года имеет важное значение для региона. Использование экономического фактора – эффективности национального проекта «Безопасные качественные дороги» на территории области – активно становится инфоповодом политической повестки.

Дороги стали важной составляющей избирательной кампании по выборам губернатора области в 2022 году. Тема дорог активно используется политическими партиями и кандидатами-самовыдвиженцами как информационный повод, в том числе с негативной тональностью [18]. Эффективность проекта – привлечение дополнительных средств, наращивание мощностей, – на наш взгляд, может стать компромиссом между властью и обществом и позволить продвижению кандидатов на выборах. Избирательная кампания врио губернатора Михаила Евраева насыщена дорожной тематикой. Контроль выполнения работ, выезд на гарантийные объекты, диалоги с подрядными организациями становятся топом новостной ленты. Это позволяет в значительной мере снизить социальный пессимизм [19]. Однако максимальная вовлеченность высшего должного лица в дорожную тематику имеет и обратный эффект. Экономический закон спроса и предложения работает в политическом поле. Чем больше работ выполняется в регионе, тем больше поступает обращений от граждан об оказании помощи. Так, по данным департамента дорожного хозяйства области, наибольшее количество отработанных обращений в системе мониторинга соцсетей «Инцидент менеджмент» фиксируется в период избирательной кампании 2022 года: только за шесть месяцев количество обращений почти равно годовому значению прошлого года (диаграмма 2).

ности данных составляет в целом по области 95 %, статистическая погрешность находится в рамках диапазона $\pm 4,7$ %.

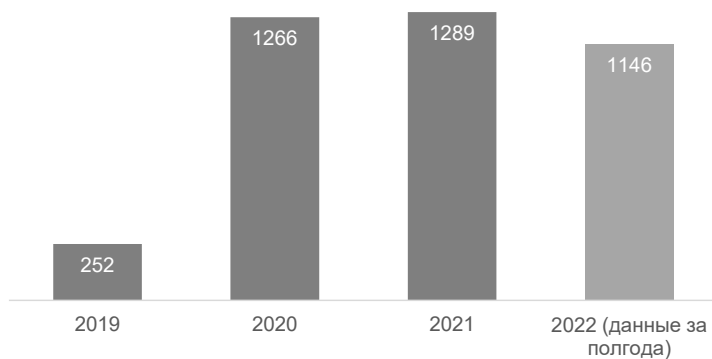

Диаграмма 2. Количество обработанных обращений в системе мониторинга соцсетей «Инцидент менеджмент» в разрезе 2019–2022 г. Источник: [20, с. 15]

При этом в течение года наибольший уровень обращений фиксируется в осенне-летний период (диаграмма 3).

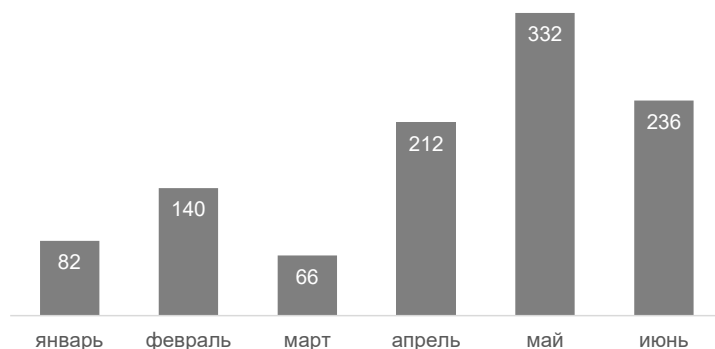

Диаграмма 3. Количество обработанных обращений в системе мониторинга соцсетей «Инцидент менеджмент» в разрезе месяцев 2022 года. Источник: [20, с. 16].

Жители региона принимают активное участие в дорожных работах на всех этапах проектного управления. Наибольшую активность в сезоне принимают члены общественных советов при профильных департаментах, члены областного подразделения Общероссийского народного фронта. Активистами дорожного общественного движения в социальных сетях создана общедоступная группа «Дороги Ярославля», насчитывающая более 9 тысяч участников. В основном внимание жителей привлекает контроль качества выполняемых работ, а также ввод объектов и их восстановление по гарантии.

Таким образом, национальные проекты как институт государственного и муниципального управления не предполагают полного перехода на проектное управление во всех сферах публичной власти, однако имеют решающее влияние на сохранение политического курса и социально-экономическое развитие страны в целом.

Снижение дифференциации и повышение социально-экономического уровня развития регионов продолжает сохранять тенденцию зависимости от финансирования федеральным центром. Это вызывает необходимость формирования программ по стимулированию субъектов и муниципальных образований.

В регионе фиксируется гражданская активность по отношению к дорожной тематике. Социально-политическая коммуникация представлена различными формами, в том числе блогингом. Гражданская активность проявляется на всех этапах реализации национального проекта. Представители «третьего сектора» принимают активное участие в контроле процесса и приемки работ. Однако при отборе и ранжировании объектов, включаемых в планы ремонта, исполнителями ставятся приоритеты по восстановлению дорог, входящих в опорную сеть региона, и достижению показателей национального проекта.

Проекты не только способствуют достижению целевых показателей, но и имеют политическую окраску. Однако, на наш взгляд, решение вопросов граждан может носить не ситуативный, а равномерный характер, тем самым не вызывая перегрузки действующей структуры проекта.

Привлечение граждан к формированию планов ремонтных работ будет способствовать комплексному проектному подходу, управлению экономическими и социально-политическими процессами, а также развитию страны в целом.

Ссылки

1. Пахомова Е. И., Седова Н. Н. Знакомый незнакомый национальный проект // Национальные проекты. 2007. № 10. С. 91–92.
2. Имамов М. М. Приоритетные национальные проекты в системе инновационного развития экономики Российской Федерации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 4. С. 23–28.
3. Устинкин С., Алабин Д. Приоритетные национальные проекты в политическом процессе России // Власть. 2009. № 4. С. 14–17.
4. Карпенко М., Казанцев В., Иванов А. Приоритетные национальные проекты и новая идеология. М.: Современная гуманитарная акад., Ин-т развития гражданского о-ва и местного самоуправления, 2006. 21 с.
5. Малинова О. Ю. Конструирование «либерализма» в постсоветской России. Наследие 1990-х в идеологических битвах 2000-х // Полития. 2017. № 1 (84). С. 6–28.
6. Май В. А. Интервью одного вопроса // Випперсон: сайт. [2006]. URL: <http://viperson.ru/articles/intervyu-odnogo-voprosa> (дата обращения: 06.07.2022).
7. Национальный проект «Жилье и городская среда» // Минстрой РФ: сайт. [2022]. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda> (дата обращения: 06.07.2022).
8. Шабанов Я. Из истории разработки и принятия приоритетных национальных проектов // Власть. 2011. № 9. С. 121–123.
9. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Национальные проекты России: региональное измерение // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 1. С. 37–53.
10. Бухвальд Е. М. Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2 (132). С. 50–54.

11. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам // Президент России: сайт. [2016]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/52929> (дата обращения: 06.07.2022).
12. Егоренков Д. А. Приоритетный национальный проект «Современное здравоохранение в региональном политическом процессе» (на примере Саратовской области) // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 1 (30). С. 23–29.
13. Ашихмина Я. Г. Электоральные циклы в России: изменение типологических характеристик выборов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. 2009. № 9. С. 303–316.
14. Иванова С. В. О политическом проектировании и проектной деятельности в сфере политики // Пространство и время. 2011. № 1 (3). С. 188–193.
15. Текущий архив департамента дорожного хозяйства Ярославской области. 2022. дело 1. Т. 1. С. 10.
16. Текущий архив департамента дорожного хозяйства Ярославской области. 2022. дело 1. Т. 3. С. 10.
17. Ярославская область попала в число аутсайдеров по нормативному состоянию дорог // Портал Черемуха: сайт. [2022]. URL: <https://cheremuha.com/2022/07/04/yaroslavskaya-oblast-popala-v-chislo-atsajderov-po-sostoyaniyu-dorog.html> (дата обращения: 05.07.2022).
18. Хвостова С. Дороги нет и 40 миллионов – нет // Газета Ярославского регионального отделения политической партии Справедливая Россия. 22.06.2022. № 2 (47).
19. Михаил Евраев. Наша задача увеличивать объемы дорожных работ // Ярославский регион: сайт. [2022]. URL: <https://yarreg.ru/articles/mihail-evraev-nasha-zadacha-uvlichivat-obemy-dorojnyh-rabot/> (дата обращения: 06.07.2022).
20. Текущий архив департамента дорожного хозяйства Ярославской области. 2022. дело 2. Т. 2. С. 20.

Academic leadership in the context of the development of transprofessional identity in the conditions of digitalization and regionalization

K. V. Vodenko¹

¹Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 132 Prosveshcheniya str., Rostov region, Novocheerkassk, 346428, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-300-309

Research article
Full text in Russian

The purpose of the article is to develop a theoretical concept and adequate methodological tools for the study of academic leadership as a factor in the development of transprofessional identity and the formation of a new economy market in the conditions of digitalization of higher education. Academic leadership as a factor of transprofessional identity and the formation of the labor market is in demand in the context of the dominant digitalization trends in higher education. This is expressed in the fact that within the framework of the formation of the labor market of the future, the request of specialists focused on transprofessional identity, a fixed attitude to change professional identity under the influence of the «supply-demand» scheme in the labor market becomes relevant. It is obvious that in the modern conditions of higher education development, changes in the organization, structure of training, dispositions of education actors are associated with a semantic reset of academic leadership. Outside of the analysis of this process, higher education does not realize the functions of training specialists for the market of the new economy and creates blocking effects on the way of introducing the latest technologies, digitalization of higher education. In this context, academic leadership is interpreted as a set of factors and conditions aimed at restructuring the higher education system according to the criteria of readiness for transprofessional identity and competitiveness in the market of the new economy.

Keywords: academic leadership; transprofessional identity; new economy market; digitalization; higher education; Russian society; regionalization

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vodenko, Konstantin V. | E-mail: vodenkok@mail.ru
| Doc Sc. (Philosophy), Professor

Funding: Grant of the President of the Russian Federation (NSH-239.2022.2).

For citation: Vodenko K. V. Academic leadership in the context of the development of transprofessional identity in the conditions of digitalization and regionalization // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2022. Vol. 8, No 3. P. 300-309. (in Russ.)

Академическое лидерство в контексте развития транспрофессиональной идентичности в условиях цифровизации и регионализации

К. В. Воденко¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, ул. Просвещения 132, Ростовская обл., Новочеркасск, 346428, Российская федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-300-309
УДК 316

Научная статья
Полный текст на русском языке

Цель статьи заключается в разработке теоретического концепта и адекватного методологического инструментария исследования академического лидерства как фактора развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях цифровизации высшего образования. Академическое лидерство как фактор транспрофессиональной идентичности и формирования рынка труда является востребованным в контексте доминирующих в высшем образовании тенденций цифровизации. Это выражается в том, что в рамках формирования рынка труда будущего становится актуальным запрос на специалистов, ориентированных на транспрофессиональную идентичность, фиксированную установку на перемену профессиональной идентичности под влиянием схемы «спрос-предложение» на рынке труда. Очевидно, что в современных условиях развития высшего образования изменения в организации структуры подготовки, диспозициях акторов образования сопряжены со смысловой перезагрузкой академического лидерства. Вне анализа этого процесса высшее образование не реализует функции подготовки специалистов для рынка новой экономики и создает эффекты блокировки на пути внедрения новейших технологий, цифровизации высшего образования. В этом контексте академическое лидерство интерпретируется как совокупность факторов и условий, направленных на перестройку системы высшего образования по критериям готовности к транспрофессиональной идентичности и конкурентности на рынке новой экономики.

Ключевые слова: академическое лидерство; транспрофессиональная идентичность; рынок новой экономики; цифровизация; высшее образование; российское общество; регионализация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воденко, Константин Викторович

E-mail: vodenkok@mail.ru

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук

Финансирование: Грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».

Для цитирования: Воденко К. В. Академическое лидерство в контексте развития транспрофессиональной идентичности в условиях цифровизации и регионализации // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 3. С. 300-309.

© Воденко К. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Академическое лидерство является понятием, отражающим происходящие в высшем образовании процессы, которые в целом соответствуют достигнутым уровням социального развития, но содержат специфику в определенной автономности траекторий развития высшего образования (влияние механизмов инерционности, обновление учебно-методической и организационной базы, реализация общероссийских образовательных стандартов и др.). В этой связи актуальность приобретают механизмы и условия влияния академического лидерства на транспрофессиональную идентичность, определяющую горизонты новой экономики в условиях цифровизации (дигитализации) высшего образования [1].

Можно констатировать, что для институализации академического лидерства как состояния высшего образования, ориентированного на повышение конкурентности и востребованности при сохранении доступности и качества образования, актуальным является исследование академического лидерства по качественным критериям. Это связано с необходимостью определения академического лидерства как совокупности свойств, характеристик, условий высшего образования, способных выполнить задачу повышения авторитета высшего образования и в региональном, и в общероссийском пространствах. Развитие академического лидерства тесно связано с использованием потенциала дигитализации и регионализации для переосмысления характера высшего образования, которое должно не только сохранить свойства классичности, но и стать лидером в сфере развития профессиональной мобильности.

Проблема изучения академического лидерства, таким образом, актуализируется в контексте влияния академического лидерства на транспрофессиональную идентичность выпускников высших учебных заведений как формулу социально-профессионального самоопределения и самореализации в условиях новой экономики, где востребованными являются специалисты с установкой на перемену профессиональных ориентаций на основе постоянной профессионально-квалификационной подготовки, использования потенциала дигитализации высшего образования, связанного с фактором интегрирования информационных процессов в систему высшего образования и регионализации высшего образования, направленного на включение регионального компонента в обучение и выпуск специалистов высшей школы.

Транспрофессиональная идентичность понимается как формирование социального и профессионального самоопределения выпускников высшей школы на индивидуальном и коллективном уровне, включающее осознание безальтернативности «образования на всю жизнь», профессионализма как состояния постоянной профессиональной переподготовки в контексте способности интегрировать профессиональные компетенции на основе междисциплинарного эффекта, выработки способностей чувствовать конъюнктуру рынка и презентовать собственные умения и навыки, работать в команде с целью достижения наибольшего эффекта профессиональной деятельности [2; 3]. Транспрофессиональная идентичность является стратегией жизненных целей и планов личности

в условиях рынка новой экономики, где востребованными являются уникальные «штучные» знания, высокая профессиональная мобильность и, в отличие от «классического» профессионализма, где основными являются демонстрация узко профессиональных качеств и признание профессионального долга как общественного, выход на позиции сочетания ценностей прагматики, успеха и ответственности. В современных условиях транспрофессиональная идентичность является инструментом противодействия прекариатизации акторов социально-экономической жизни и является способом «интеграции» вместо традиционных социально-профессиональных групп, консорциума личностей (индивидов), нацеленных на достижение профессионально значимых результатов, использование эффекта транспрофессионализма, коридора возможностей переориентироваться, переструктурировать свою деятельность в соответствии с запросами рынка новой экономики.

Развитие академического лидерства является процессом преемственности высшего образования, сохранения наработанных, доказавших эффективность учебно-образовательных схем, рациональное использование возможностей профессорско-преподавательского состава, разработки стратегии развития высшего образования на региональном уровне с целью минимизировать риски «непредвиденных» изменений в структуре, организации и кадрах высшего образования. Речь идет о необходимости сформировать, таким образом, устойчивые тренды развития высшего образования с акцентом на академическое лидерство как показатель адаптированности к современным условиям, достигнуть оптимальных вариантов деловых коммуникаций в сфере взаимодействия высшего образования, бизнес-сообщества и региональных и государственных институтов.

В отмеченных условиях отражается реальность современного российского высшего образования, которое трансформируется под влиянием дигитализации и регионализации. Следует подчеркнуть, что включение проблем академического лидерства в дискурс осмысления процессов, происходящих в высшем образовании в российских регионах, может способствовать переосмыслению целей высшего образования на общегосударственном уровне под влиянием академического лидерства как измеряемого по уже достигнутым показателям и вне нормативизма, создающего помехи на пути оптимизации высшего образования в регионе и воспроизводящего неравенство условий в оказании государственной поддержки высшим учебным заведениям.

Поставленная цель исследования способствует концептуализации проблем высшего образования через качественные показатели, имеет достаточный социально-диагностический потенциал для формирования новых целей государственной образовательной политики, актуализации транспрофессиональной идентичности как условия формирования новой экономики и переосмысления процесса дигитализации и регионализации высшего пространства на основе концепции академического лидерства.

Методы

Российские исследователи в рамках неинституционального подхода ввели критерии соотношения неформального и формального регулирования образовательного пространства, которое заключается в том, что для академического лидерства важной является степень ориентированности на актуальные экономические приоритеты. Будучи теорией, сформировавшейся в «недрах» экономической науки, неинституциональный подход нацеливает на осмысление академического лидерства на основе изучения формальных и неформальных тенденций в высшем образовании, связанных с договорными отношениями научного и образовательного сообщества с представителями практической науки [4].

Это обстоятельство выявляет степень «открытости» образовательного пространства для развития показателей рентабельности, конструирования имиджа лидерства, для привлечения социальных инвестиций, престижности в отечественных и мировых рейтингах. Неинституциональный подход способствовал преодолению описательных схем, ограниченных количественными параметрами, в понимании лидерства. Между тем социальные трансформации в российском обществе привели к возникновению новых тенденций, связанных с социально-воспроизводственным потенциалом образовательной системы, с отставанием российской высшей школы от глобальных тенденций перехода на новые образовательные схемы «профессиональной компетентности».

В рамках осмысления данных тенденций значимость академического лидерства может не только интерпретироваться как показатель резистентности изменениям, отстаивания традиций фундаментальности отечественного образования, но и иметь основания для теоретической переинтерпретации. Такую ситуацию можно назвать субъективным поворотом в осмыслении академического лидерства, где для исследования важным становится применение субъектно-деятельностного и социально-диспозиционного подходов. В рамках анализа по данной схеме ожидаемыми являются результаты, связанные с показателями институционального взаимодействия акторов высшего образования, с применением институциональных схем, направленных на совершенствование в институциональном пространстве высшего образования, с готовностью акторов высшего образования включиться в процесс подготовки специалистов с транспрофессиональной идентичностью.

Академическое лидерство, которое анализируется через показатели социальной эффективности, становится «функциональным» понятием, и для полноты исследования важным является применение социоресурсного подхода. На основе понимания академического лидерства как конвертации культурно-символического капитала в социальный выявляются возможности исследований социальной ресурсности высшего образования через объективные параметры «концентрации» ресурсов в показателях научных достижений и субъективные параметры разнообразия ресурсов в степени транспрофессиональной мобильности. Дигитализация и регионализация высшего образования как эффекты влияния на академическое лидерство связаны с определением вектора развития академического лидерства

в образовательном пространстве на основе включения цифрового и регионального компонентов. Соотношение дигитализации и регионализации высшего образования требует установления социологических констант, позволяющих провести отдельные исследования, подчиненные основной проблеме обоснования новой концепции академического лидерства.

Для реализации поставленной цели и задач исследования требуется достичь оптимального баланса концептуальной и социально-эмпирической составляющих. Таким образом формируется многомерный конструкт, направленный на изучение академического лидерства как ключевого понятия в понимании и прогнозировании тенденции развития высшего образования в региональном пространстве и социальных последствий и перемен, связанных с транспрофессиональной мобильностью, дигитализацией и регионализацией высшего образования.

Результаты

Понятие «лидерство» является достаточно изученным в философии и социологии [5; 6], но вопросы академического лидерства не получили в исследовательской литературе должного освещения. Так, Е. А. Другова на основе обзора опыта высокорейтинговых университетов на материалах зарубежных публикаций исследовала ключевые характеристики программ преподавательского совершенства для академических лидеров [7]. Ранее мы исследовали академическое лидерство как движение к транспрофессиональной идентичности в региональном пространстве высшего образования, интеллектуальный потенциал молодежи в контексте формирования академического лидерства, регионализацию государственной политики в сфере высшего образования в контексте становления академического лидерства [8; 9]. Но при этом проблема академического лидерства требует дальнейшего концептуального обоснования.

Академическое лидерство введено в научно-исследовательский оборот в условиях реализации Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»¹. Ключевой целью программы является создание сети ведущих вузов национального уровня, реализующих свою стратегию развития на принципах интеграции и кооперации в целях повышения конкурентоспособности российского образования, науки и технологий, интеграции образовательного процесса с научно-исследовательской, технологической и инновационной деятельностью, трансформации подходов к высшему образованию и др.

Итак, академическое лидерство есть вектор развития современного высшего образования, определяемый изменениями организационно-структурного, кадрового, деятельностно-мотивационного характера, результирующий переход высшего образования от системы подготовки специалистов к режиму «конверсии» академических знаний и способов научно-исследовательской деятельности в алгоритм работы профессиональных (профессорско-преподавательских) кол-

¹ Официальный сайт программы «Приоритет-2030»: сайт [2022]. URL: <https://priority2030.ru/about/> (дата обращения: 07.04.2022).

лективов. Данный алгоритм может быть основан на разработке на разработке перспективных направлений, прежде всего новых технологий, в рамках влияния вузовской системы на становление рынка новой экономики и подготовку специалистов транспрофессионального профиля, в отличие от предшествующей формулы «превращения науки» в производство, характеризуемой сотрудничеством научных (академических) структур с учебными заведениями в рамках коммерческих или государственных проектов.

Академическое лидерство становится автономной формой развития высшей школы, где ориентация на академизм (фундаментальные знания и фундаментальные исследования) реализуется в качестве инструмента достижения социального, экономического и культурно-символического капитала высшей школы. Таким образом, академическое лидерство является основным трендом развития современной высшей школы, определяемым потребностями рынка новой экономики, подготовкой специалистов транспрофессионального профиля и воздействием факторов дигитализации высшего образования, транспарентности, актуализации и разработки новых технологий в рамках регионализации высшего образования, переводом высших учебных заведений в социально-экономическое пространство, характеризующее состояние внутрирегиональных и межрегиональных связей в контексте глобализации и постглобализации современного мира.

В современных условиях академическое лидерство перестает быть «символом» фундаментальности высшего образования, а академизм высшего образования как традиция конструируется в контексте дигитализации и регионализации в соответствии с внедрением и актуализацией в пространстве высшего образования новейших технологий как совокупности факторов, изменяющих состояние образовательного пространства, действующих по отношению к академическому лидерству как внутренний вызов, требующий качественных изменений в понимании лидерства. Выдвинутое положение нуждается в концептуальном и социально-эмпирическом обосновании, связано с поиском вариантов развития высшего образования с условием учета регионализации, социально-экономического и культурно-исторического контекста, формирующих различия в подходе к проблеме академического лидерства. Российские регионы как сложные социально-территориальные и социально-экономические системы характеризуются специфическими формами сложившегося высшего образования и могут быть измерены по делению «столичные-провинциальные». В этом смысле академическое лидерство является механизмом ускорения развития высшего образования, так как формирует и открывает новые возможности для выпуска специалистов в рамках интеграции высшего образования в региональном пространстве [10; 11; 12].

Обсуждение

Высшее образование в сложившейся ситуации является в большей степени проблемным, чем оказывающим конструктивное влияние на региональ-

ное развитие или недостаточно актуализирующим интеллектуальный и профессиональный потенциал. Это обстоятельство имеет причиной затянувшийся процесс модернизации высшего образования, достаточно необоснованные эксперименты структурно-организационного и кадрового аспекта, логику институционального самовоспроизводства, в которой не учитываются факторы востребованности специалистов, утраченные связи с экономикой и бизнесом, господствует выжидательная позиция относительно инициатив по совершенствованию институциональной системы высшего образования.

Настоящее исследование определяется концептом академического лидерства как ключевого понятия в анализе путей развития высшего образования и его влияния на процессы новой экономики, дигитализации и регионализации высшего образования. Очевидно, что академическое лидерство в предлагаемой интерпретации требует включения индикаторов и показателей, имеющих отличие от известных индексов публикаций, числа научно-исследовательских проектов подготовки специалистов высшей квалификации в системе высшего образования. С учетом влияния этих факторов академического лидерства речь идет о том, чтобы на основе академического лидерства как отражающего совокупность факторов и условий, способствующих повышению социальной компетентности и ответственности высшего образования в сфере регионального развития, проанализировать параметры транспрофессиональной идентичности, дигитализации и регионализации для исследования новых внутриинституциональных отношений акторов высшего образования, которые оценивают процессы, происходящие в высшем образовании, через концепцию академического лидерства.

До сих пор академическое лидерство в пространстве высшего образования воспринимается и оценивается как показатель высокой рейтинговости в иерархии признанных структур высшего образования, где заведомо региональным вузам отводится роль «статистов». Это блокирует сценарное мышление, способности и усилия по совершенствованию вузовской системы. Изучение академического лидерства в новом функциональном варианте способствует освобождению от стереотипов «отставания», стимулирует новые подходы и решения образовательных проблем и переводит критерии развития высшего образования в региональный контекст, связанный с возможностями роста человеческого потенциала, создания новых социально-профессиональных ниш, нахождения «точки развития» региона через формирование перспективных направлений высшего образования для достижения академического лидерства.

Существует теоретико-методологическая необходимость введения в научно-исследовательский оборот понятий «академическое лидерство», «транспрофессиональная идентичность», «дигитализация и регионализация высшего образования». Для выполнения данной задачи требуется изучить исторический контекст академического лидерства, его состояние в системе современного высшего образования, раскрыть взаимосвязь факторов прошлого и настоящего академического лидерства в российском высшем образовании, изучить опыт реализации новой концепции академического лидерства в зарубежном региональном

высшем образовании и проанализировать шаги по внедрению новой концепции академического лидерства в российских условиях.

Исследование предполагает анализ институциональных и субъектно-деятельностных механизмов влияния академического лидерства и формирования потребности новой экономики в контексте регионализации и дигитализации высшего образования. В связи с этим актуальным становится анализ внутрисистемных и междисциплинарных связей изучаемых явлений, разработка методологии исследования с целью обеспечения академического лидерства в региональном пространстве. На основе отмеченных задач необходимо предложить стратегию развития высшего образования в региональном пространстве как перспективы решения задач повышения качества и доступности высшего образования, роста авторитета в региональном пространстве, социальной капитализации ресурсов академического лидерства в связке между системой высшего образования и региональным развитием.

Необходимы дальнейшее исследование сложившихся в социально-гуманитарном дискурсе теоретико-методологических подходов к изучению академического лидерства в развитии транспрофессиональной идентичности и формировании рынка новой экономики; разработка модели транспрофессиональной идентичности выпускников высшей школы; формирование показателей востребованности специалистов с транспрофессиональной идентичностью на рынке новой экономики; исследование дигитализации и регионализации высшего образования как фактора изменений в академическом лидерстве; разработка предложений по совершенствованию профессиональной подготовки специалистов в системе высшего образования; обоснование критериев академического лидерства в высшем образовании с целью социальной диагностики образовательной системы и актуальных мер государственной и региональной политики по развитию высшего образования.

Данное исследование содержит возможности поиска новых подходов к рассмотрению развития высшего образования в условиях дигитализации и регионализации как ускорителя социально-экономического развития как российского общества в целом, так и отдельных регионов.

Ссылки

1. Воденко К. В., Дегтярев А. К., Иванченко О. С. Российское высшее образование и инновационный потенциал молодежи: глобальные вызовы, государственная политика, региональные тенденции: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. 244 с.
2. Кислов А. Г. От опережающего к транспрофессиональному образованию // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 1. С. 54–74.
3. Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности / В. С. Третьякова [и др.]; под ред. Э. Ф. Зеера, В. С. Третьяковой. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 142 с.

4. Тенденции развития академического мира как научно-образовательной экосистемы / М. А. Боровская, Н. Н. Лябах, М. А. Масыч, Т. В. Федосова // Terra Economicus. 2021. № 19 (4). С. 110–126.
5. Бурцев С. А. Лидерство как механизм восходящей социальной мобильности российской молодежи. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 140 с.
6. Волков Ю. Г. Институт лидерства в региональном пространстве. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ, 2020. 126 с.
7. Другова Е. А. Ключевые характеристики программ преподавательского совершенства для академических лидеров: обзор опыта высокорейтинговых университетов на материале зарубежных публикаций // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 8–29.
8. Воденко К. В., Дегтярев А. К., Иваненко Н. С. Академическое лидерство: движение к транспрофессиональной идентичности в региональном пространстве высшего образования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. № 13 (5). С. 33–41.
9. Воденко К. В., Дегтярев А. К., Иваненко Н. С. Интеллектуальный потенциал российской молодежи в контексте формирования академического лидерства в высшем образовании в региональном пространстве // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. № 14 (3). С. 7–17.
10. Месхи Б. Ч. Опорный вуз в стратегии социально-экономического развития региона // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 3. С. 63–76.
11. Романов Е. В. Оценка эффективности деятельности российских вузов: нужно ли менять парадигму? // Образование и наука. 2021. № 23 (6). С. 84–125.
12. Российские университеты в условиях цифровизации: математические и инструментальные методы оценки качества управления: монография / Под общ. ред. В. Г. Халина. М.: Проспект, 2019. 896 с.

The Development of the Theory of Democracy and the Contribution of Seymour Martin Lipset to Political Sociology

L. S. Ruban¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, 6 Fotieva str., bldg. 1 Moscow, 119333, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-310-319

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to Seymour Martin Lipset, an outstanding American sociologist with Russian roots (a descendant of Jewish emigrants from the Russian Empire), in it the author recalls the history of meeting this outstanding sociologist and his meetings with him, his colleagues and friends, studying his scientific experience while attending lectures by C. M. Lipset at the University of J. Washington and participation in scientific discussions at the University of J. Mason's in Fairfax. The article is based on historical-comparative and comparative methods, the Sorbonne method of in-depth work with the text, content analysis of scientific papers and publications in the media and included observation. The author firmly believes that the analysis of the scientific heritage of Seymour Martin Lipset is impossible without taking into account the civic position of the scientist, which determined the subject of his research: the formation and development of democracy in the United States and other countries, the role of legitimacy, the organization of political parties, the development of the electoral process, the importance of conflicts and consensus in regulating public relations and changing the political system (the dilemma of capitalism-socialism or the third way).

Keywords: Sociology in the USA; political sociology; Seymour Martin Lipset; political parties; electoral process; legitimacy; conflict and consensus

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ruban, Larisa S. | E-mail: Lruban@yandex.ru
| Doc. Sc. (Sociology), Professor, Chief researcher

For citation: Ruban L. S. The Development of the Theory of Democracy and the Contribution of Seymour Martin Lipset to Political Sociology // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 3. P. 310-319. (in Russ.)

Развитие теории демократии и вклад Сеймура Мартина Липсета в политическую социологию

Л. С. Рубан¹

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, ул. Фотиевой, 6, корп. 1 Москва, 119333, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-310-319
УДК 316.35

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена выдающемуся американскому социологу с российскими корнями (потомку еврейских эмигрантов из Российской империи) Сеймуру Мартину Липсету. Автор вспоминает об истории знакомства с этим выдающимся социологом и своих встречах с ним, его коллегами и друзьями, изучении его научного опыта в процессе посещения лекций С. М. Липсета в Университете Дж. Вашингтона и участии в научных дискуссиях в Университете Дж. Мэйсона в Фэрфаксе. Статья строится на основе историко-сопоставительного и сравнительного методов, Сорбонского метода углублённой работы с текстом, контент-анализа научных работ и публикаций в средствах массовой информации и включенного наблюдения. Автор твёрдо уверена, что анализ научного наследия Сеймура Мартина Липсета невозможен без учёта гражданской позиции учёного, обусловившей предмет его исследований: становление и развитие демократии в США и в других странах, роль легитимности, организация деятельности политических партий, развитие электорального процесса, изучается значение конфликтов и консенсуса в регулировании общественных отношений и изменении политического устройства (дилемма капитализм-социализм или третий путь).

Ключевые слова: социология в США; политическая социология; Сеймур Мартин Липсет; политические партии; электоральный процесс; легитимность; конфликт и консенсус

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рубан, Лариса Семёновна	E-mail: Lruban@yandex.ru
	Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН

Для цитирования: Рубан Л. С. Развитие теории демократии и вклад Сеймура Мартина Липсета в политическую социологию // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 3. С. 310-319.

Влияние эмигрантов из России на становление и развитие американской социологии

Америку часто называют страной иммигрантов, и это действительно так. Если затронуть становление американской социологии, нужно отметить огромный вклад, который внесли в её развитие эмигранты из России и их потомки. Закладка основ социологической науки в США неразрывно связана с именем Питирима Сорокина («рассерженного русского эмигранта» и даже «бунтаря»), в 1922 году покинувшего Россию.

© Рубан Л. С., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Сорокин был основоположником социологии и в России, и в США. «В 1916 году он с коллегами организовал «Социологическое общество им. М. Ковалевского», заведовал кафедрой социологии в Петроградском университете, где в 1920 году опубликовал программную работу «Система социологии». Эмигрировав в США, он стал одним из основателей американской социологии и первым руководителем социологического факультета в Гарварде» [1, с. 11, 14].

«Отцом буржуазной конфликтологии», игрового моделирования и теории принятия решений был Анатолий Рапопорт, сын еврейских эмигрантов из России, в раннем детстве приехавший в США, автор знаменитой «Дилеммы заключённого» [2, с. 6]. Рапопорт показал, что рациональный выбор, дающий одномоментный выгодный результат, не всегда этичен и может иметь негативные последствия в будущем.

По политическим убеждениям Рапопорт был коммунистом. Он участвовал во Второй мировой войне – был авиационным диспетчером в Номе на Аляске, откуда по ленд-лизу перегонялись в СССР американские военные самолёты. После войны, когда в США начались репрессии против коммунистов, он уехал в Канаду, где преподавал в Университете Торонто.

Другим светилом и «столпом» социологии в США был Сеймур Мартин Липсет, сын еврейских эмигрантов из России, который «родился в Гарлеме, вырос в Бронксе, учился в City College of New York. Это был «бэкграунд». Его родители хотели, чтобы Сеймур стал дантистом, но он интересовался совсем другими вещами» [3], – так отмечал М. Бэроун.

Надо сказать, что всех их: и П. Сорокина, и А. Рапопорта, и С. Липсета – объединяла огромная жажда знаний, тяга к исследовательской работе и то, что они, выйдя из социальных низов, смогли проложить свой путь в науку и оставить в ней немеркнущий след. Уже в 1987 году политолог М. Роджин назвал С. Липсета «самым выдающимся из здравствующих (на тот период) политических социологов» [4].

В 1997 году во время стажировки в Вашингтоне по международной обменной программе в Институте Дж. Кеннана я познакомилась с Сеймуром Липсетом, о котором много читала в России, а в Библиотеке Конгресса США смогла ознакомиться с его работами.

Это была легендарная личность: «президент Американской ассоциации политических наук и социологической ассоциации, вице-президент по социальным наукам Американской академии наук и искусств, член Национальной академии наук и Национальной академии образования США, президент Ассоциации социологических исследований и Международного общества политической психологии, Всемирной ассоциации исследований общественного мнения, Общества сравнительных исследований, лауреат премий Макайвера за книгу «Политический человек. Социальные основы политики» и Гюннара Мюрдала за работу «Политика безумия» [5, с. 160], обладатель медали Таунзенда Харриса и др.

Методология. Необходимо отметить, что Сеймур Мартин Липсет проводил свои исследования в рамках системного анализа, также близкие к нему коллеги и друзья-социологи были «системщиками», причём их труды были мультидисциплинарными, с использованием достижений целого ряда общественных наук и свойственных им методов. Поэтому в качестве методологии нашего исследования развития теории демократии и политической социологии были также выбраны системный анализ и междисциплинарный подход, что, на наш взгляд, наиболее полно позволило отразить крупнейшие достижения выдающегося социолога современности Сеймура Липсета и раскрыть его фундаментальный вклад в политическую социологию.

Сеймур Липсет – учёный и гражданин

Итак, первая наша встреча состоялась в 1997 году на лекции в университете Дж. Вашингтона, где он говорил о гражданской войне между Севером и Югом. После окончания занятия я подошла и спросила профессора Липсета:

– Ну, почему история? Вы ведь занимаетесь социологией политики.

А он твёрдо ответил:

– Это наша история – история становления демократии, и её нужно знать!

Заслужить его расположение мне удалось, скорее всего, не своими достоинствами, а тем, что при первом знакомстве я рассказала ему, что в 1995 году стажировалась на кафедре социологии в Университете Торонто, и моим наставником и куратором был Анатолий Рапопорт, которого Липсет хорошо знал, так как сам работал в этом университете. Кстати, в статье «Размышления о легитимности» он активно использовал положения «Дилеммы заключённого» А. Рапопорта, рассуждая о проблеме выстраивания эффективной коммуникации для коллективного взаимодействия в условиях ограниченной информации или полного её отсутствия.

Суть «Дилеммы заключённого» состоит в том, что двое мужчин совершили успешное ограбление, но спустя некоторое время были арестованы полицейскими, которые нашли в их доме краденое. Грабителей посадили в тюрьму и содержат в разных камерах, чтобы они не смогли договориться о совместных показаниях. Доказать их причастность к ограблению следствие не может из-за недостатка улик и отсутствия свидетелей, и, если один из арестованных сознается в совершённом ограблении, то его отпустят, а другой получит полный срок – пять лет. Если оба будут молчать и не признаются, то они отсидят только один год за хранение краденого и выйдут на свободу, не предав друг друга и не испортив отношения. Если оба одновременно признаются, то отсидят по три года за грабёж. Возникает вопрос: как им поступить, чтобы соблюсти интересы друг друга и собственные, и получить при этом выгоду? Арестанты находятся в полной изоляции и не знают, какие показания даёт напарник.

Таким образом, «Дилемма заключённого» – это игра по выработке навыков принятия решения для выстраивания коллективного взаимодействия в условиях ограниченной информации или полного её отсутствия. Будущие отношения между субъектами зависят от принятого ими решения (нелёгкий выбор: «сотрудничество с взаимным интересом и выгодой» или «единоличный интерес и предательство», причём в первом случае решение может быть принято только при абсолютном доверии к партнёру и уверенности в его надёжности).

В Вашингтоне в 1997 году мы с мэтром «пересекались» не только в Университете Дж. Вашингтона, но и в Центре В. Вильсона и Смитсониевском Центре, в Университете Дж. Мэйсона в Фэрфаксе, где он работал профессором, а мне довелось проводить Brown Bag Seminar в Институте конфликта и анализа. Липсет был открыт для общения и дискуссий, всегда доброжелателен и внимателен. Нельзя не согласиться с М. Бэроуном, что Сеймур Липсет «выглядел необычайно импозантно: это был высокий, представительный джентльмен с мягкими манерами и неподражаемым чувством юмора» [3].

В 1997 году мне удалось побывать и в других липсетовских местах: в Калифорнии, где он в своё время работал, в Беркли и Стэнфордском университете. Летом 1998 года я участвовала в XIV-м Конгрессе Международной социологической ассоциации в Монреале, а так как прямого авиарейса в Монреаль из Москвы не было, то я летела через Нью-Йорк, где у меня состоялась встреча с директором Программы по международным исследованиям Городского колледжа Нью-Йорка, профессо-

ром Мариной Фернандо. В колледже я смогла представить преподавательскому составу результаты своих исследований по межэтническим отношениям и разрешению конфликтов, что было актуально, так как это учебное заведение расположено в Гарлеме. Для меня же посещение Городского колледжа Нью-Йорка имело «мемориальный» смысл, ведь в нём учился Сеймур Липсет.

Говоря о современном состоянии социологии на Западе, уместно привести вывод из на нашей совместной с С. В. Рязанцевым статьи, опубликованной в «Вестнике РАН» в июле 2019 года, в которой мы отмечали, сравнивая XIV-й (1998) и XIX (2018) Конгрессы ISA, что «за 20 лет кризис социологии усилился: на Западе сошли на нет фундаментальные исследования, ушли из жизни крупнейшие социологи: С. Липсет, Т. Парсонс, Н. Смелзер, А. Рапопорт, но на смену им не явились фигуры равного уровня» [6, с. 755].

Надо добавить, что написать статью о Сеймуре Липсете меня побудило то, что не только молодые российские социологи, но и многие известные исследователи при разговоре о Липсете недоумённо пожимали плечами и задавали мне вопрос: «А кто это?» Такая ситуация была невысказана на рубеже 90-х годов XX века, когда не только для зарубежных, но и для отечественных социологов С. Липсет был большим авторитетом. Эта забывчивость коллег мне непонятна, так как немало статей Липсета переведено на русский язык и опубликовано в российских журналах, а также выставлено в Интернете.

Исследование Липсетом становления и развития демократии и значимости легитимности в этом процессе

Сеймур Липсет посвятил свои исследования становлению и развитию демократии, проблеме легитимности как её основополагающей составляющей, изучению политического конфликта с целью его разрешения и достижения консенсуса, политических элит и партий, формированию и углублению политической культуры, политическому строю и электоральному поведению в США и ряде других стран. В своей фундаментальной книге «Политический человек. Социальные основы политики» (1960), за которую он в 1981 году получил премию Макайвера, Липсет указывает на «условия, необходимые для демократии; факторы, которые влияют на участие людей в политике, на их поведение в качестве избирателей, а также раскрывает источники, которые подкрепляют демократические институты. Его вывод: стабильная демократия требует проявления конфликта – борьбы и вызовов правящим партиям, смены партий у власти; но в то же время демократия невозможна без консенсуса» [7, с. 197–198]. Он заостряет внимание на том, что «консенсус в отношении норм толерантности, которых достигает общество, часто складывается как результат конфликта» [Там же. С. 199].

С. М. Липсет отмечает, что «Гоббс, Локк, Руссо пытались решить проблему устранения разрыва между обществом и государством, понимая необходимость консенсуса. Следующий вывод Липсета гласит, что «основная дилемма – достижение баланса между конфликтом и консенсусом – сохраняется, и нужно понять условия, при которых конфликт и консенсус находились бы в равновесии» [Там же. С. 200].

Анализируя работы Карла Маркса, Сеймур Липсет не соглашается с ним в том, что «сложное общество характеризуется или постоянным конфликтом, или консенсусом, но не их сочетанием» [Там же. С. 201]. Он отмечает, что «в теории Маркса для демократии нет места при коммунизме, а есть только два взаимоисключающих социальных конструкта: общество конфликта и общество гармонии» [Там же. С. 203], и констатирует, что «в противовес Марксу Токвиль выдвинул идею демократии как баланса между конфликтом и консенсусом, причём оба автора подчёркивали солидарность социальных элементов и в то же время необходимость конфликта между

ними. Но Токвиль в отличие от Маркса указывал на те черты социальных элементов, которые могли бы одновременно поддерживать и политический раскол, и политический консенсус» [Там же].

Резонен вывод Липсета: «демократия и конфликт могут способствовать сплочённости и солидарности» [Там же. С. 215]. Он даёт развёрнутую характеристику демократии: «это политическая система, которая предлагает конституционные возможности для смены руководящих должностных лиц и позволяет максимально возможной части населения влиять на основные решения, принимаемые в обществе» [Там же. С. 218], причём Липсет отмечает, что «стабильность демократии зависит не только от экономического развития, но и от эффективности и легитимности политической системы» [Там же. С. 231].

Переходя к сопоставлению легитимности и конфликта, Липсет указывает на «условия, которые служат уменьшению интенсивности партийных битв и относятся к ключевым элементам демократического правления, причём шансы на стабильную демократию увеличиваются, когда группы и индивиды имеют релевантные приверженности» [Там же. С. 236]. Большое значение Липсет придаёт электоральному процессу, указывая, что «голосование является ключевым механизмом достижения консенсуса в демократическом обществе» [Там же. С. 207].

В статье «Размышления о легитимности» Сеймур Липсет отмечает, что «особое значение для политических институтов и для демократии имеет легитимность, ведь стабильные политические системы, даже авторитарные, не могут покоиться исключительно на силе, поэтому альтернативой силе является легитимность» [8]. Он указывает, что «в неавторитарных системах существует жёсткая корреляция между легитимностью и уровнем демократии; чем демократичнее государство, тем легитимнее политическая система, а легитимность позволяет не допускать кризисов демократии» [Там же].

Чтобы лучше показать значение легитимности, Липсет использует положения «Дилеммы заключённого» А. Рапопорта для анализа проблемы коллективного взаимодействия в условиях изоляции или отсутствия информации о поведении другой стороны, что затрудняет коммуникацию, а иногда делает невозможным разумное взаимодействие ради коллективного блага в противовес единоличным устремлениям, приводящим к разобщению.

С. Липсет указывает, что при демократии легитимность позволяет решить эту проблему, предоставляя информацию о действиях как отдельных, так и коллективных участников. Он констатирует, что «традиционная легитимность сыграла важную роль в институционализации либеральной демократии. Так, в США, несмотря на авторитет и власть президента, американская Конституция, а не чиновники, стала законным источником власти», но в новых или послереволюционных государствах ей способствуют достижения правительства в удовлетворении потребностей большинства населения и ключевых властных групп» [Там же].

Политическое устройство общества и роль политических партий

Сеймура Липсета как исследователя и активного гражданина глубоко интересовало становление и развитие политического устройства общества, функционирование его институтов и субъектов (особенно политических партий) как в спокойной обстановке, так и в условиях неопределённости и турбулентности, влияние на политическую систему разнородных факторов, в частности культуры общей и особенно политической. В «Континентальном разделе» (1989) он указывает на «отличие между президентской и парламентской системами в Канаде и США, что приводит к наличию

двух слабых партий в США и многочисленных сильных партий в Канаде» [9]. И он приходит к выводу в отношении Канады, что «изменения в канадской избирательной системе явились результатом её политической системы» [Там же].

В статье «Размышления о капитализме, социализме и демократии» Липсет анализирует книгу Дж. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия», написанную в начале 40-х годов XX века, в которой Шумпетер отмечает, что в тот период «капитализм выглядел неэффективной общественной системой из-за Великой депрессии, но продолжает утверждать, что капитализм является лучшей системой для достижения материального прогресса» [10, с. 83], однако его крах неизбежен, так как он «порождает атмосферу враждебности к своему социальному порядку» [Там же. С. 143, 148].

Дискутируя с автором этой книги, Липсет констатирует, что Шумпетер опасался за судьбу демократии при капитализме, в котором происходит неизбежное нарастание конфликта, отсюда его вывод: «Главное условие стабильной демократии – наличие сильных партий, которые являются посредниками между гражданами и государством» [Там же. С. 283].

Продолжая раскрывать эту тему, Сеймур Липсет отмечает, что глубинный политический конфликт существует в настоящий момент и будет продолжаться в будущем, а прорицание Шумпетера о крахе капитализма не сбылось, и, рассматривая дилемму капитализм-социализм, Липсет приходит к выводу, что третьего пути не существует, дословно закладывая это умозаключение в название своей работы «Третьего пути не существует. Перспективы левых движений».

Борьба между демократами и республиканцами в США. Дилемма: слон или осёл?

Как на особенность США Липсет указывает на то, что они оказались единственным индустриальным государством, в котором за всю историю «не было жизнеспособной социалистической или рабочей партии» [11]. Он констатирует отсутствие в США мощного социалистического движения, рыхлость политических партий и считает, что борьба за гражданские права противодействует повороту демократов США вправо, и он делает вывод, что в этих условиях борьба не закончена [Там же].

По политическим убеждениям Липсет стоял на демократических позициях. Вот что он писал, характеризуя представителей демократов: «Если не принимать во внимание первую президентскую кампанию Картера, то образ всех демократических кандидатов в президенты – от Дж. Макговерна в 1972 году до М. Дукакиса в 1988 году – связывался в общественном мнении с сильным государственным вмешательством в экономику и обеспечением социальной защиты, миролюбивой внешней политикой и сдерживанием гонки вооружений...» [Там же].

Анализируя ситуацию в США в начале XXI в., следует отметить, что ещё при жизни С. Липсета ожесточённая политическая борьба между демократами и республиканцами получила наивысшее проявление во время избирательных президентских кампаний. В 2004 году тандем демократов Гор – Либерман проиграл на финише республиканцам в лице Буша-младшего при довольно странных обстоятельствах. Значительная часть американского населения восприняла такой результат как подтасовку выборов. К этому времени Сеймур Липсет уже отошёл от научной деятельности по состоянию здоровья, так как он перенёс несколько серьёзных сердечных приступов, особенно тяжёлый в 2001 году, после которого потерял возможность разговаривать.

На следующем этапе электорального процесса президентские выборы выигрывает в 2008 году первый темнокожий президент США – демократ Барак Обама, что было ошутимым ударом по самолюбию англосаксов. Новый виток борьбы разгорелся

на президентских выборах в США в 2015–2016 гг., когда схлестнулись амбиции и интересы кандидатов на пост президента США от демократов (Х. Клинтон) и от республиканцев (Д. Трамп). Демократы потерпели поражение, реванш за которое они смогли взять только в 2020 г., когда на президентских выборах победил демократ Дж. Байден, опередивший республиканца Трампа, выдвинувшегося на второй срок. Но всё это происходит уже после смерти Сеймура Липсета.

Значение вклада Сеймура Мартина Липсета в политическую социологию

Вспоминая эту выдающуюся личность, мы понимаем, что Сеймур Липсет был настолько грандиозной и масштабной фигурой, что это признавали даже его недоброжелатели и политические, и научные оппоненты. Так, А. Павлов в своей статье «Великий Мартин Липсет»: политическая наука и «американское мировоззрение», опубликованной Агентством политических новостей в 2007 году, писал: «Липсет всё же был выдающимся учёным, патриотом и мыслителем, но для США, а не для России. Именно Липсет сформулировал американское мировоззрение («American Creed»): свобода, равенство, индивидуализм, популизм и *laissez-faire*» [4].

Не думаю, что нужно вступать в полемику с оппонентом, так как сама жизнь опровергла доводы Павлова. Завершить же данную статью хотелось бы анализом колоссального вклада Сеймура Липсета в развитие теории конфликта, который он сделал наряду с таким основоположником конфликтологии, как Р. Фишер – автор книги «Путь к согласию. Переговоры без поражения» (совместно с У. Юри из Школы права Гарвардского университета. Кстати, они с Липсетом были одногодками и вместе работали в Гарварде).

В 1992 году мне довелось прослушать курс переговорного процесса и разрешения конфликтов под руководством Р. Фишера и У. Юри, а в 1993 году я посещала практический курс по разрешению конфликтов и ведению переговоров Б. Линкольна и Б. Уоррена (Университет Такома), что привело меня в ряды конфликтологов и чётко обозначило предмет дальнейших исследований.

Развитие конфликтологии как науки и роль С. М. Липсета в этом процессе

Сеймур Липсет признавал заслуги и достижения своих коллег-современников по научному сообществу и социологов предшествующего периода. Он высоко ценил вклад в развитие социологии Г. Зиммеля, «осуществившего чёткое структурирование общественных процессов по форме взаимодействия социальных индивидов, включающее развитие отношений от конкуренции, подчинения, конфликта (на одном полюсе) – к договору и сотрудничеству (на другом)» [12, с. 12]. Но признавая весомую роль конфликта в развитии общества, Липсет не был его апологетом, всегда ставя во главу угла достижение согласия и прихода к консенсусу, поэтому своё эссе по политической социологии он так и назвал «Консенсус и конфликт» [13], соглашаясь с трактовкой консенсуса, сделанной Р. Фишером, как «соглашения между всеми сторонами, при котором отдельные участники проявляют различную степень приверженности к соглашению» [14].

Надо сказать, что коллега Сеймура Липсета – Анатолий Рапопорт, – уделяя большое внимание характеристике понятия «система» и указывая на принцип «единство в многообразии», отмечал, что этот принцип заложен в основу каждой крупной научной теории. Сопоставляя дефиниции понятий «сотрудничество» и «конфликт», А. Рапопорт констатировал, что это две стороны одной медали, и самые яркие проявления сотрудничества наблюдаются на фоне обострения конфликтной ситуации: «Конфликт и сотрудничество – это союз между взаимодополняющими друг друга про-

типоволожностями. Одно вызывает другое и является основным принципом жизни» [15, с. 111–112].

Начальный этап конфликтологии в России и влияние С. Липсета на развитие отечественной теории конфликтов

В российской социологии наиболее близкая к этим взглядам трактовка была сделана профессором Л. Н. Вдовиченко, которая указывает, что «под консенсусом можно понимать определённый уровень взаимопонимания между ведущими политическими силами и договорённость о правилах политического поведения. Консенсус является не статичным, абсолютным феноменом, а относительным, изменяющимся как в сторону большего или меньшего уровня взаимопонимания» [16, с. 20].

В. П. Казимирчук отмечал, что «уровень консенсуса показывает, насколько данное предложение согласовано, то есть приближено к общему мнению, а основным законом консенсуса является признание чужих интересов как условия осуществления интересов собственных» [17, с. 12–13].

В. А. Ядов, директор ИСИ РАН, в 1991 году одним из первых среди российских учёных выдвинул тезис: «конфликт – это нормальное состояние общества. В любом обществе всегда существовали, существуют и будут существовать конфликтные ситуации» [18, с. 13], а В. Н. Иванов и В. Г. Смолянский, развивая этот постулат, подготовили и опубликовали в 1994 г. монографию «Конфликты и конфликтология». Однако первым фундаментальным трудом обобщающего характера по теории конфликтологии стала совместная работа А. В. Дмитриева, В. Н. Кудрявцева и С. В. Кудрявцева «Введение в теорию конфликтов» (1993).

В теоретической первой главе своей докторской диссертации «Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах (социологический анализ-прогноз)» (1997) автор статьи указывала на колоссальный вклад в развитие конфликтологии Р. Дарендорфа, отмечая, что «в отличие от структурного функционализма, трактовавшего конфликт как элемент социальной патологии и деструктивное начало, Дарендорф создал концепцию «конфликтной модели общества», в одинаковой мере признающей значение конфликтов и согласия» [19, с. 30]. Он указывал, что конфликт не уничтожает, а преобразует общественную систему, и считал, что «изменения вызваны конфликтами, а равновесие обусловлено существованием определённых норм и ценностей» [20, с. 87].

Липсет разделял мнение Дарендорфа, что «понятие свободы многопланово и охватывает экономические, социальные, политические и жизненные шансы, а политика свободы – это политика существования в конфликте, и Конституция должна в равной степени обеспечивать каждому члену общества возможность реализации максимальных жизненных шансов» [21, с. XI, 7].

Отечественные социологи в 90-е годы XX века активно разрабатывали теорию конфликтов. Они больше внимание уделяли исследованию конфликтов в условиях российской действительности. Неслучайно первый конфликтологический журнал, который стал выпускаться в Москве, назывался «Конфликты и консенсус». Главным редактором журнала был В. Г. Смолянский, научный руководитель моей кандидатской диссертации и научный консультант докторской, под влиянием которого я перестроила свою исследовательскую работу в конфликтологическом направлении, заострив внимание на проблеме достижения консенсуса в полиэтничных обществах.

Итак, справедливо следует отметить, что значительное влияние на развитие политической социологии и конфликтологии в нашей стране оказали работы Сеймура Мартина Липсета.

Ссылки

1. Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова; пер. с англ. Москва: Политиздат, 1992. 543 с.
2. Рапопорт А. Дилемма заключённого. Москва: Прогресс, 1967. 243 с.
3. Бэроун М. Исключительный американец. Сеймур Мартин Липсет (1922–2006). 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-chelovek-sotsialnye-osnovy-politiki> (дата обращения: 30.07.21).
4. Павлов А. «Великий Мартин Липсет»: политическая наука и «американское мировоззрение». 26.01.2007 // АПН. URL: <https://www.apn.ru/publications/article11362.htm> (дата обращения: 16.09.21).
5. Современная западная социология. Словарь. Москва: Политиздат, 1990. 432 с.
6. Рязанцев С. В., Рубан Л. С. Кризис западной социологии и новые социологические школы (Что показал XIX Конгресс ISA?) // Вестник РАН. Июль 2019. С. 755–761.
7. Липсет С. М. Политический человек. Социальные основы политики. Seymour Martin Lipset Political Man. The Social Bases of Politics. – N. Y., Garden City: Doubleday & Company, Inc., 1960. 432 p. Перевод с англ. С. В. Патрушева, Л. Е. Филипповой.
8. Липсет С. М. Размышления о легитимности // Апология. 2005. № 5. URL: http://www.journal-apologia.ru/rnews.html?id=331&id_issue=81 (дата обращения: 16.08.21).
9. Липсет С. М. Роль политической культуры // Пределы власти. 1994. № 2–3. URL: https://www.studmed.ru/seymur-martin-lipset-rol-politicheskoy-kultury_cb388e1c811.html (дата обращения 30.07.21).
10. Липсет С. М. Размышления о капитализме, социализме и демократии // Пределы власти. 1994. № 1. URL: <https://studfile.net/preview/871046/> (дата обращения 16.08.21).
11. Липсет С. М. Третьего пути не существует (Перспективы левых движений) // Политические исследования. 1991. № 5–6. URL: https://bib.convdocs.org/v13946/липсет_с.м._третьего_пути_не_существует (дата обращения: 30.07.21).
12. Рубан Л. С. Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах (социологический анализ-прогноз). М.: ВНИИ МВД, 1998. 250 с.
13. Lipset S. M. Consensus and Conflict: Essays in political sociology. – New Brunswick / Oxford: Transaction book. URL: https://archive.org/details/consensus_conflic00seym (дата обращения: 30.07.21).
14. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию. Или переговоры без поражения. М.: Наука, 1990. 155 с.
15. Рапопорт А. Мир – созревшая идея. Дармштадт Блэттер, 1993. 254 с.
16. Вдовиченко Л. Н. Консенсус и внутривластная стабильность // Конфликты и консенсус. 1991. № 1. С. 20–23.
17. Казимирчук В. П. Консенсус – универсальный демократический принцип // Конфликты и консенсус. 1991. № 1. С. 11–14.
18. Ядов В. А. Методические проблемы изучения социальных конфликтов. Выступление на круглом столе по социальным конфликтам // Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование, Технологии разрешения. Методологические, общетеоретические, технологические подходы. М.: ИСИ РАН, 1991. – Выпуск 1. С. 13–45.
19. Рубан Л. С. Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах (социологический анализ-прогноз): дисс. ... д-ра социол. наук. М.: ИСПИ РАН, 1997. 327 с.
20. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
21. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: эссе о политике свободы // Социальный конфликт: современные исследования. М.: ИНИОН, 1991. С. 6–21.

Development of the language and linguocolor picture of the world in the adyghe linguoculture

M. Y. Ezaova¹, M. L. Kardanov¹, J. Kh. Shugusheva¹

¹Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, 6 Akademika Volgina, Moscow, 117485, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-320-333

Research article
Full text in English

In modern linguistics, topical issues of constructing a linguistic color picture and the functioning of color lexemes in the linguistic picture of the world and, in particular, artistic discourse, are being actively developed. Artistic discourse is understood as a communication system, which is a synthesis of specific linguistic forms, information about reality, reflected in a text that is distinguished by its pragmatic content. The pragmatic level of artistic discourse is represented by an individual set of characteristic linguistic means. The most specific linguistic means are coloronyms that represent evaluative and emotional personal meanings that have a certain influencing potential. Color painting in artistic discourse is the most important expressive means, carries a deeply ideological, artistic, and emotional load. Language units with color semantics or coloronyms contribute not only to the creation of visual images but also carry additional information of emotional and expressive properties. The object of the research is the linguistic units denoting color, functioning in the language, mythopoetics, paremias, and literature in the Adyghe language. The subject of the research is the peculiarities of the manifestation and functioning of color painting in the Adyghe language and Adyghe literature, as well as the identification of the specifics of the coloristic embodiment of images in the works of Adyghe authors. The material of the research is based on the linguistic representations of color designations that form the «black-white-red» triad.

Keywords: coloronym; artistic discourse; color categorization; lingua-color picture of the world; the evolution of color names

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ezaova, Madina Y., | Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Kardanov, Musadin L. | Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Shugusheva, Juleta Kh. | E-mail: shugushd@mail.ru
(correspondence author). | Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

For citation: Ezaova M. Y., Kardanov M. L., Shugusheva J. Kh. Development of the language and linguocolor picture of the world in the adyghe linguoculture // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2022. Vol. 8, No 3. P. 320-333.

Развитие языковой и лингвоцветовой картины мира в адыгской лингвокультуре

М. Ю. Езаова¹, М. Л. Карданов¹, Д. Х. Шугушева¹

¹Социально-гуманитарный институт, Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова, Академика Волгина, 6, Москва, 117485, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-320-333
УДК 81.25

Научная статья
Полный текст на английском языке

В современной лингвистике ведутся активные исследования в области вопросов построения лингвоцветовой картины и функционирования цветолексем в языковой картине мира и, в частности, художественной литературе. Художественный дискурс, по сути, является коммуникационной системой, синтезирующей специфические языковые формы, реальную действительность, отраженную в тексте, отличающемся прагматическим содержанием. Индивидуальный набор характерных языковых средств – это прагматический уровень художественного дискурса. Одним из специфических языковых средств являются колоронимы, репрезентирующие оценочные и эмоциональные индивидуальные смыслы, которые имеют свойство воздействия на сознание. Цветописание в художественной литературе является важнейшим экспрессивным средством, несёт глубокую идейно-художественную и эмоциональную нагрузку. Языковые единицы со значением цвета, или колоронимы, не только способствуют созданию визуальных образов, но и несут дополнительную информацию эмоционально-экспрессивного свойства. Объектом исследования являются языковые единицы, обозначающие цвет, функционирующие в языке, мифопоэтике, паремиях и литературе на адыгском языке. Предметом исследования являются особенности проявления и функционирования цветописи в адыгском языке и адыгской литературе, а также выявление специфики колористического воплощения образов в творчестве адыгских авторов. Материалом исследования послужили языковые репрезентации цветообозначений, образующих триаду «черный-белый-красный».

Ключевые слова: цветоименования; художественный дискурс; категоризация колоронимов; лингвоцветовая картина мира; эволюция колоронимов

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Езаова, Мадина Юрьевна | Кандидат филологических наук, доцент

Карданов, Мусадин Латифович | Кандидат филологических наук, доцент

Шугушева, Джулета Хабасовна | E-mail: oshugushd@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Кандидат филологических наук, доцент

Для цитирования: Езаова М. Ю., Карданов М. Л., Шугушева Д. Х. Развитие языковой и лингвоцветовой картины мира в адыгской лингвокультуре // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 3. С. 320-333. (на англ. яз.)

Introduction

Two approaches are distinguished in the study of color lexemes: cultural relativism and linguistic universalism. According to the first approach, the process of color definition in different languages is arbitrary, implying the absence of clear boundaries in the meanings of color designations. The second approach is due to the understanding of color as a semantic universal with three interrelated features - hue, brightness, saturation. The base unit is the primary color term that meets the following criteria. The color designation has several structural and formal features, namely, it can be conveyed by a monolexeme or a single-root word, endowed with a differential meaning and the ability to objectify various items. The color designation must be recognizable in the speech stream; thus, the word with the color meaning must be general and refer to the basic vocabulary of the language [1]. The color category is a continuous center of scientific interests because of its visual features and the presence of environmental color position, which naturally requires verbalization, as well as the possibility of highlighting the color lexemes in a certain verbal cluster available for linguistic analysis in various aspects.

Historical background

The study of color lexemes is based on the universal perception of human color, the objective existence of the lingua-color picture of the world, which is in constant development, complication, and refinement, detailing the color spectrum requiring verbalization. In solving these problems, two main directions are distinguished: the hypothesis of linguistic relativity by Sapir-Whorf and the theory of Berlin and Kay. According to the Sapir-Whorf hypothesis, we perceive the world filtered through the semantic categories of our native language, and color denomination in different languages is formed by both universal and language-specific factors. The Berlin and Kay theory postulates the universal nature of the evolution of color denominates as semantic universals. One of the problems of the color picture of the world is the problem of the possible categorization of the color [2]. Scientists conclude the possibility of the categorical color study, including the selection and analysis of the entire spectrum: primary colors and shades. The category of color is universal, since it is determined by the general perception of color, the presence of color space, and, as a consequence, the existence of the world color picture, as a segment of the naive picture of the world, and if we consider color in the framework of the concept theory, as a segment of the conceptual picture of the world [3, p. 133]. The problem of categorization of the color space directly logically follows the Sapir-Whorf hypothesis of linguistic relativity, which comes down to the main idea that the possibility of different categorization of reality is due to the relationship between the languages, its influence on speech behavior. The theory under consideration postulates the influence of the native language on various ethnic traits of behavior, thinking, and life of a separate human community. Despite the universality of human thinking and the linguistic division of the world, in different languages, the color space has its nationally colored specificity of color designation, which is consistent with the principles of anthropocentricity of linguistic activity.

The scientific novelty of this work is determined by the issues of the linguistic picture description of the world, its linguistic color segment, cultural perception of color,

the importance of color lexemes in literature, and color designations in the work of Adyghe writers and poets, as well as the role and place of color denominates in the construction of artistic images.

Methods

The work uses traditional methods – descriptive, semantic-stylistic, semantic field, and modern approaches to linguistic research – cognitive, linguacultural, and anthropocentric. The research is based on scientific works of scientists such as E. N. Basovskaya (2004), B. N. Zhanturina (2012), Z. Zh. Kudaeva (2008), R. M. Frumkina (1984), F. P. Fedorov (1988), V. Turner (1983), Yu. D. Apresyan (2009), L. Kh. Kharaeva (2017), etc.

The main source of experimental material is the color denominates in the Adyghe language at the level of mythopoetics and individual authors used in the literary text.

Discussion

The formation of color systems in the culture of different peoples occurs simultaneously with the emergence of the first cosmogonic symbols, the first magical rites, and rituals... Studies of ancient cultures, as well as works on theoretical semantics, show that already in the Stone Age, people singled out three basic colors: white, red, and black. The confrontation between God and the Devil as the central concept of Christianity determined the binary nature of coloristic representations and was subsequently projected onto the axiological tiers of perception. However, the confessional consciousness only strengthened the already existing opposition to colorations. The most stable and frequent color opposition «white» – «black» – goes back to the ancient prototype «light» – «darkness», which in turn is an aesthetic modernization of the philosophical conflict «Chaos» – «Universe», in which the last term is understood as «ordering» [4, p. 581–582]. The conclusion about the opposition of contrasting colors – black and white – in almost all evaluative, sensory and emotional characteristics looks quite predictable. The second stage is characterized by the appearance of red in the universal human color perception. V. Turner was the first to single out this pattern, who asserts the primacy and universality, as well as the outstanding value of the triad «white-black-red» [5, p. 76.]. Most researchers agree with this opinion. At the same time, some scientists argue that in the universal triad white-black-red, the last color is red, stood out first in the cultural and linguistic development of the color space, the importance of which in the life of people at an early stage of human development is since this color designation corresponds to the color of blood and fire [6, p. 29, 48].

Identification of the red color is due to different ethnic groups, which is due to the specifics of life and habitat. Having identified a group of «basic» color designations, Berlin and Kay further investigated the stadial nature of the appearance of various color concepts. Thus, the evolution of color designations is also universal, which, in our opinion, is a consequence of numerous factors of a linguistic and extra linguistic nature, as well as a consequence of the widespread use of contronyms for artistic purposes as the most important expressive means, the tradition of using which goes back to the distant past. [3, p. 134].

Each color writes B. N. Zhanturina is associated with prototypical denotations – standard carriers of color. However, color terms do not reflect the entire field of color, which leads to the need for the emergence of secondary color nominations using a variety of linguistic resources. Nevertheless, undoubtedly, there is also the existence of color as a linguistic category, fixed in the minds of native speakers, which in the process of its development is in the process of hierarchization in culture [7, p. 68]. A language can express the idea of color, appealing to the visual modality of perception, that is, the symbolism of color is conveyed by color lexemes, words in the semantic structure of which there is a color meaning or denoting a certain reality associated with any color. The processes of formation of color designations by psycholinguists are explained within the framework of the theory of prototypes, which postulates the formation of most color lexemes from the names of objects that have a certain color [8]. Thus, the idea of the ability of color to objectify is confirmed, the connection of these words and their meanings with objects for which one of their main characteristics is color is substantiated. Consequently, we can talk about the motivation of these color lexemes, that the basis of nominative activity is the motivational feature of color. Motivated color denominates are of particular interest due to their great associativity, which makes it easier to clarify the color preferences of representatives of different linguistic cultures in the choice of color motivation. [3, p. 136–138].

The motivation of color lexemes, which goes back to prototypic denotations, is most clearly manifested in naive linguistic consciousness, is reflected in mythopoetics and folklore, therefore it is logical to preface the analysis of color denominates in the Adyghe picture of the world with notes on the symbolism of color in the system of Adyghe mythopoetic representations.

Color designations in the Adyghe picture of the world are filled with deep symbolic meaning and semantic content, representing both the material world and ethnic moral, ethical and aesthetic principles and foundations. The Adygeyan picture of the world distinguishes several concepts in the writer's work (by the example of A. P. Keshokov) connected to the peculiarities study of his artistic worldview, it seems especially relevant on the phraseological linguistic material, in which the «spirit of the people» is most clearly manifested. These are the concepts *gu* «heart», *psè* «soul», *zèman* «time», etc. [9]. Among the color-forming concepts, the semiotically significant colors are red, black, and white. Well-known ethnocultural traditions describe visible reality in oppositions, starting with universal ones, which develop more complex binary oppositions later. Color designations also form cultural codes that are inherent in humans and are universal. Moreover, their verbalization in a separate culture, in which they are realized, is nationally determined [10]. The universal color picture of the world marks everything positive with white and negative with black. However, in the universal picture of the world, there are also mutually exclusive tendencies that demonstrate the polysemy of coloronyms. For example, as Z. Zh. Kudaeva, in the Adyghe legends and rituals, favorable implications are associated with white, but in the paremias, the symbolism of white reveals contradictory tendencies. *Šym i l'ak"uiplri l'ak"uèhumè, ug"ursyzš, žalèrt.* «If a horse has all four legs white, then it is malicious, they said».

In Adyghe mythology and folklore, attributes of various pagan gods are associated with white and black flowers. The myth-ritual complex regulated the white color

of the sacrificed animals. Animals of white color are associated with the «white-bodied and white-handed» deity of the Mazitha forest. Animals of black color were sacrificed to Šible - the god of thunder and lightning, as well as to the god Ahyn, the patron saint of cattle, to whom a black buffalo was sacrificed in the spring before sowing. Ahyn also corresponds to the water, sea elements. As you know, Ahyn was called the Black Sea. The iconic nature of black and white symbolism in the Adyghe mythological-ritual complex reveals a symbolic connection of black with the element of rain, and more broadly, with the chthonic world, which is characteristic of many ethnocultural traditions [11, p. 96–98].

Red is the color of fertility, prosperity, and abundance.

Nartyhu pl"yž" dyhèpsèmè, g"avèr bèv mèh"u, žalèrt. «If you plant red corn along with grain, there will be a bountiful harvest, they said».

G"ath"èm âpèu h'èndyrabg"uè pl"yž' pl"ag"unu flyš, žalèrt. «In the spring, to see a red butterfly for the first time is good, they said».

žèm l"huag"ašlèm i klèm h"ydan pl"yž' klèrašlèrt, nè temyhuèn šh'èklè. «A red rag was tied to the tail of a calving cow so that it would not be jinxed».

In the rules-omens, the red symbolism has a pronounced sacred motivation and an unambiguously positive assessment. Red is the color of the life principle, therefore red clothing is unacceptable in the cemetery, so red, symbolizing life and prosperity, is not compatible with the territory of death. Here the dichotomy «life» – «death», «this world» – «that world». *Šyg"yn pl"yž' pšyg"yu kh"èm udyh'ènu flyk"ym, žalèrt.* «It's not good to go to the cemetery in red clothes, they said» [11, p. 97].

Psycho-emotional states of a person are associated with universal prototypical denotations of color, that is, colors are associated with certain emotions. Color-emotional association is due to the physiology of emotional experience. Associations that arise are based on metonymic and metaphorical thinking, color perception creates specific emotional reactions, and color and emotion terms have the same connotative structure in the language. The color field is not limited only to primitive color values but is supplemented by tint or secondary names that appeared in the process of secondary nomination from the names of various objects of the surrounding reality in the course of metonymic and metaphorical transfers. The decisive role of the surrounding reality in the formation of the psychoemotional state of a person, which exerts its influence on the perception of color, is undeniable and is recognized by most researchers [3, p. 136–138].

Connotation is defined as a set of semantic aspects of a word that go beyond its simple designation or reference. The emotional meaning seems to be mediated by the association of color terms with situations or objects in real life where this coloring is present. This can be the coloration of natural things (blood red, grassy green, sky blue) or cultural artifacts (black mourning clothes, red alarm lights, little girls dressed in pink), both of which can lead to connotation. color terms (more or less standardized) and even culturally sanctioned color symbology. Even if a color connotation ultimately depends on associations in inexperience of which are the same for all people, the specific value of that connotation can vary from language to language, from culture to culture, and even from person to person. Nevertheless, E. N. Basovskaya in her experimental study shows that color names, representing a rather closed group, despite the mobility

of the lexical system and its dependence on extralinguistic reality, the emotional component of the associative field of words of the main lexical fund, which includes color designations, is highly stable [12, p. 205]. Color designations, making up a fragment of the linguocultural picture of the world, in addition to the explicit expression of color in the language, include wide implicit layers that are isolated in the course of linguistic analysis of the emotional component of the word expressing color.

Color is a concept since its meaning is not limited to the denotative meaning enshrined in dictionaries. In addition to the stable, common for most, reactions to a particular color or color combination, there are also individual reactions for different linguistic personalities and even for the same person at different stages of his development. This is part of the concept of color, which depends on the worldview, experience, and emotional state of the individual; it can be isolated in the process of interpretive work with specific texts, as well as with fiction, works of an autobiographical nature. These works provide rich material for conceptual analysis, since showing the real picture of the world from the point of view of the personality is part of the author's task in the process of formation, the reflection of her fantasies, will, experience and emotions. Speaking about color as a concept, we consider its primitive meaning, as well as the entire system of concepts, connotations that form a specific semantic field that reflects the entire palette of shades of one neutral color, which is the concept of a particular color. The expansion and complication of the color nomination occur resulting in the creation and formation of stylistic synonyms, the expansion of the semantic structure of commonly used color designations based on color individual author's associations that acquire aesthetic significance in a literary text [3, c. 134]. The creative refraction of the color picture of the world in the works of any author is due to the impossibility «to talk about the color picture of the world in isolation from the individual who perceives it. For every native speaker, the perception of one color or another is associated with life experience, the psychophysical state is determined by several objective and subjective factors, therefore, it is quite individual and is part of a naive picture of the world» [13, p. 30].

Black is the darkest color, and in reality, it is the negation of color itself. Life ends beyond this absolute limit. Black expresses the idea of non-being, extinction. Black is no as opposed to white yes. Black and white are the two extremes, the beginning, and the end. Black as denial symbolizes renunciation, complete rejection; it has a strong influence on any color that is in the same group with it, emphasizing and enhancing its characteristics. With the help of black, hatred, enmity is expressed:

Ŝly flyclèm ihun – squeeze out of the light (lit. drive out from the black earth);

Ŝly flyclèm ŝlèg"èl"èdèn – bury in the ground; squeeze from the light (lit. put under black earth);

Bij flyclè – enemy (lit. black enemy);

Džèdu flyclè âku dèžaš – quarreled (lite. a black cat ran between them);

Džèdu flyclè uilènu flyk"ym, žalèrt. – It's not good to have a black cat, they said.

Black is often the culmination of the symbolism of many negative emotions, experiences, conditions, misfortune, torment:

Symadzëm i nègur k''yzèlyh'aš, i napšlèhèr ezyr-ezyru zèhèufèžas, pšè flyclè ž'auè k''itrišlam huèdèu¹. – The patient's face became gloomy, the eyelids sagged by themselves as if black clouds had cast a shadow.

Šly flyclèm šlyh'ami k''èg''uèt – an abyss, find it even under the ground '(literally: find it even if it has gone under the black earth);

Ièl flyclèu k''yzèkluklaš – very angry (lit. changed into a black savage);

H'èklašè k''yšloh'èž, pšè flyclèm huèdèu zyk''yzèšlišlauè². – Hakyasho entered, puffing up like a black cloud.

Si gur uflyclaš – exhaustion (lit. my heart turned black).

Šly flyclèž'ym eg''èlèn – burden (lit. make him pull the old black earth).

Ž'èn flyclè sišIaš – pulled out, tortured (lit. made my lungs black).

Black reflects an extreme degree of rejection attitude:

Dzè flyclèm huèdè – like a horde (lit. looks like a black army).

Vyndym huèdèu flyclèš – very black (lit. black as a rook).

Šaj flyclèž' iuasèk''ym – not worth a penny (lit. not worth a black penny).

With the help of black, an unflattering characterization is given, a moral assessment by comparison with animals that cause negative emotions.

Bèdž flyclèm huèdèš – like a black spider; dangerous.

Zi šèrèz bzadzèr blè flyclèš – sharp on the tongue like a snake; slander (literally: whoever has a cunning sting, that black snake).

Black is present in communicative warning statements such as:

Fyz flyclè našh''uè uèri k''yummyšè, flyuè pl''ag''umi k''yummyg''ašè. – Do not marry a black woman with gray eyes, and do not let your friend marry one like that.

Fyz flyclè nè k''uèlèn ui dzyh' jomyg''èz. – Do not trust a dark brown-eyed woman.

In these warnings finds expression, in our opinion, the archetypal connection between black and darkness, darkness, misfortune.

Black in the Adyghe picture of the world is polyphonic, as it has both negative and positive features. In our opinion, this is because any quality can be transformed into the opposite, under appropriate conditions. Black can thus represent strength, power, good quality, a high degree of quality, and of course physical beauty:

Lly flyclè g''ušlynè – strong, courageous (lit. a black man like steel);

Šlalè flyclè nèklufè, ah''šè flyclè guflaklè – a dark, good-natured guy, full of money (literally: a black guy with a happy face, a bosom with black money);

Byrtlym ež'èu šytt Laucè klèstum flyclè dahè šyšitlèg''auè³. – Liautsa, dressed in a beautiful black suit, was waiting for Byrtyma.

I tepl''èklè Musèrbij šlalè zèklužš, šh'èc flyclè nabdze flyclèš, i nè plašitlym nuryr k'yšIeh⁴. – Musarbij looks like a solid guy, black hair, black eyebrows, and big eyes shine.

I pašlè flyclèm Iè dil''auè⁵. – stroking his black mustache.

Nè flyclè plašèhèr k''yzèpl''mè⁶. – Big black eyes are looking at me.

¹ Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 395 (In the Kabardino-Circassian language)

² In the same place, s. 147.

³ Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 79 (In the Kabardino-Circassian language).

⁴ In the same place, s. 104.

⁵ Keshokov A. P. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 1. Nal'chik: El'brus, 2004. S. 52 (In the Kabardino-Circassian language).

⁶ Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 35 (In the Kabardino-Circassian language).

*Mèçrèlil ith'èk"uat nè flyclè lydym*⁷. – Maçrail was mesmerized by the shiny black eyes.
*Guflèg"uèr i nè flycèšhuitlym k"asIolydykl, nèklušh'itlym šonèhu, plyrypl Iupèpl"hèm šyzošè*⁸. – Joy radiates from his large black eyes, his cheeks glow, they are visible on his red, physalis lips.

*Šh'èg"ubžèm teg"èšlauè šytyhu k"ešètèha šh'èc nal"è flyclèhèr zyšilètyžym iredzèklyž, aršh'èklè adrej šh'èc šlyl"ènyk"uèr zèklèšIol"èl"ri šh'èg"ubžəšh'èm tez mèh"u*⁹. – Rising, she brushed off a lock of black hair that had slipped while she was leaning against the window, but the rest of the hair fell apart and fell on the windowsill.

The face, which has three colors – black, white, and red, is associated with beauty, harmony, and health and in many cultures is considered a universal standard of beauty.

Communication units that reflect the experience of communicating with people, warn against bias, the surface of judgments has positive connotations.

I fèr flyclè šh'èklè, i kluèclyr dag"èš – although black on the outside, but oily inside; do not judge by appearance (lit. although the skin is black, inside is oily).

Ezyr flyclèmi i kluèclyr k"abzèš – do not judge by appearance (literally: although he is black himself, everything is clean inside).

H'è huž'ri h'èš, h'è flyclèri h'èš – a white dog is a dog, a black dog is a dog.

Black has a great emotional impact in describing nature.

*Tafèr šh"uantlag"èm àmyštè šlyklè, g"athè vakuèllym kolhoz gubg"uè inhèr ulèg"è flyclèklè zèšleštè, uafèg"uag"uè uèšhыр vag"uè lègu ušlahèm ireklutè, nartyhu h'èdzè pləšèu*¹⁰. – Until the field is covered with green shoots, the spring plowman covers a large field with black wounds, a thunderstorm rain falls on his open palms, in the form of large corn grains.

*Uèzdyg"ènèfyr unklyflypaš, šh'èteph"uè flyclèklè žèšym h"ureàg"yr iufyh'as*¹¹. – The smokehouse went out completely; the night covered everything around as if with a black handkerchief.

*Šihu l"agèhèm šlakluè flyclèm ešh'u nybž' àdzyrt*¹². – Tall poplars gave shade like black cloaks.

The Adyghe color perception of the world is characterized by an associative connection between the water environment and black color, dating back to the worship of the pagan god of thunder and lightning Shible, as mentioned above.

*Aby el"ag"u Bešto Iuašh'èšhuèm ufafèu k"yšh'èšytadžè pšè flyclè guèrènhèr*¹³. – He sees a cluster of black clouds swaying looming over Beshto Hill.

*Zèklèl"ypytu uafèh"uèpsklyr mèlydri i maflè šabzèhèmkèlè pšè flyclè fènd abrag"uèr zèpheupšlykl*¹⁴. – Lightning after lightning shines and breaks through large inflated black clouds with its fiery arrows.

⁷ Karmokov M. M. A topolya vse rastut. Roman. Nal'chik: El'-fa. 2004. S. 9 (In the Kabardino-Circassian language).

⁸ Shogencukov A.A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 11 (In the Kabardino-Circassian language)

⁹ In the same place, s. 9.

¹⁰ In the same place, s. 362.

¹¹ Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 72 (In the Kabardino-Circassian language).

¹² Keshokov A. P. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 6. Rasskaz; Povesti; P'esy. Nal'chik: El'brus, 2007. S. 3 (In the Kabardino-Circassian language).

¹³ Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 236 (In the Kabardino-Circassian language).

¹⁴ In the same place, s. 268.

If black color mainly evokes negative emotions, white color actualizes the meaning of neutrality, indifference. The linguistic symbolism of white in the Circassians, as in almost all known linguocultures, reflects the system of ethical values, such as nobility, spiritual purity, honesty, honor, dignity, love, which found its refraction in proverbs and sayings expressing the ethnic principles of morality and morality:

Zi psal''è nahuèm i napèr huž'š – with a pure soul (literally: whoever has clear, truthful words, his face is white);

Uèsym huèdèu huž'š – pure as white snow;

Napè huž'klè – with a clear conscience (lit. with a white face);

K''uarg''rè pèt, i šyrym «huž' clykluklè jodžè» – to love one's own (literally: even the raven calls its child «little white»);

Ari pèžš, šak''è huž'yrš uè nèh'' uk''èzycIèlènur¹⁵. – And the truth is, you will be more stained with white ink.

Huž' zašlynu â gug''èžu¹⁶. – trying to be clean (white);

PcIyr Iudanè huž'klè daš – the lie will become apparent (lit. the lie is sewn with white thread).

Status-role relationships in many national cultural traditions are marked with the color antinomy «white – black».

K''upšh'è huž' – know white bone. In the popular mind, white takes on the opposite negative meaning of laziness, idleness.

Ièpè huž' - šh'èh myšIè – a white-handed woman who does not know fatigue.

White can be a metaphor for breed, uncommonness, singularity.

Šym i natlèm huž'yšhuè ismè, natlè g''udžèš, huž' mašIè ismè, natlè vag''uèš. (superstitious beliefs) – If the horse has a large white spot, it is a mirrored forehead, and if the white spot is small, it is a forehead with a star.

K''uarg'' huž' – like a white crow, different from the rest.

The role of white is significant in denoting the beauty of a person, of his entire appearance. A beautiful woman is called the "èryk" uè pšèu – white-breasted dove, *nèkluhu* – white-faced.

Syt huèdizrè k''edèhèšIa, syt huèdizrè k''ešèbèkIa lèž'yg''è kuèdym ažmyž vèg''u šIišlykIa a Ièšhuèr H''anguašè i šlyfè huž'ym¹⁷ – How many times have these large hands, hardened from work, been stroked, how long were soft for the white skin of the Hanguasho.

Si pšèm plašIèu irešèkI Iè huž'itlyr¹⁸. – Hastily wraps her white arms around my neck.

Uèsu bostej huž'yzbèzè džèdynèu h''urej flyclè clykluhèr hèph''auè šyg''t¹⁹. – She was dressed in a snow-white dress, strewn with black, like chicken eyes, dots.

The presence of white in the description of the surrounding realities, subject-spatial environment is explained by the impact of the natural environment. As a rule, white

¹⁵ Keshokov A. P. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 6. Rasskaz; Povesti; P'esy. Nal'chik: El'brus, 2007. S. 68 (In the Kabardino-Circassian language).

¹⁶ Karmokov M. M. A topolya vse rastut. Roman. Nal'chik: El'-fa. 2004. S. 69 (In the Kabardino-Circassian language).

¹⁷ Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 394 (In the Kabardino-Circassian language).

¹⁸ Keshokov A. P. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 6. Rasskaz; Povesti; P'esy. Nal'chik: El'brus, 2007. S. 58 (In the Kabardino-Circassian language).

¹⁹ Karmokov M. M. A topolya vse rastut. Roman. Nal'chik: El'-fa. 2004. S. 34 (In the Kabardino-Circassian language).

in the description of natural phenomena has a positive connotation, as it is symbolically associated with purity.

*Dènèklè upl'èmi uès huž' dahèr Ui tafè g"uabžžèhèm k"ytoh'è; Čèsej huž' džanèhèr di h'èsèm*²⁰. – Wherever you look, pure white snow Lays on the ground; Like white shirts in the garden.

*Nyšèdibè k"ènžalyr huž'u nèhu k"eklaš, aršh'èklè k"ul"šyk"u h"uhuklè teklyžaš*²¹. – In the morning the roof was white, but by ten o'clock in the morning everything melted.

*K"uažèm psydzè k"yšlèua huèdèu, dènèkli g"azè, psy inar uèramhèm dèzt, žyghèri, unèhèri, uafè šh"uantlè, pšè huž' lèramèhèri šyzèryzeh'èu k"išu*²². – It is like a flood in the village, puddles are visible everywhere, where trees, houses, the sky is blue, white clouds.

*Mes, šè l"èdij huž'hèr zyr zym klèl"ykluèu uèru pègunym jol"adè*²³. – Here, the white milk splashes, one by one, are sent into the bucket.

*Mazèr lè huž'klè bgym tol"ašlè*²⁴. – The moon is stroking the mountains with white hands.

*Mysh'ud i gug"è hihyžypat my dunejm zy huž'ag" il"èg"užyn imygug"èu*²⁵. – Myshud lost all hope that he would someday see something light (literally, whiteness, that is, the beauty of the world) in this world.

White can mean extreme excitement, negative emotion, nostalgia. *Aphuèdèurè i fèr huž'yzè h"uat, psèumi Ilami umyšlèu*²⁶. – He turned pale, it was impossible to determine whether he was alive or dead.

In addition, in the speech of the Circassians, allegorical, taboo statements using color designations are used, designed to hide the negative character traits of the older generation, for example: after all, respect for age is so tightly woven into the people's picture of the world that formed taboos have become the norm of life [14].

Ž'aklèr huž' h"umè, flyclè h"užk"ym – what has passed cannot be returned (lit. if the beard has turned white (turned gray), then it will no longer turn black).

One of the dominant colors is red. Red, as one of the components of the universal triad, personifies passion, aggression, love, joy, struggle, a challenge to fate, rage, inspiration, irritation, rejection, energy, delight, movement, warmth, sexuality, tension, attention, danger. The sensory sensation of thirst corresponds to it, and its emotional content is desire. In the Adyghe picture of the world, red is an indicator of strong emotions, most often shame or, on the contrary, pride, joy.

Masklèm huèdèu k"yzèšlènèn – blush (lit. blush like red coals, hot coal);

Clypl"u k"yzèšlènèn – blush;

I nèr Iudanè pl"yž'klè k"èdyh'aš – reddened eyes (lit. eyes trimmed with red thread);

Pcly iups pètrè pl"yž' h"uk"ym – lies and does not blush.

²⁰ Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 13 (In the Kabardino-Circassian language).

²¹ Keshokov A. P. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 6. Rasskaz; Povesti; P'esy. Nal'chik: El'brus, 2007. S. 70 (In the Kabardino-Circassian language).

²² In the same place, s. 3.

²³ Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 8 (In the Kabardino-Circassian language).

²⁴ Keshokov A. P. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 1. Nal'chik: El'brus, 2004. S. 9 (In the Kabardino-Circassian language).

²⁵ Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 59 (In the Kabardino-Circassian language).

²⁶ In the same place, s. 3.

*Zamirèt nèh" pl"yž'yž k"èh"ua*²⁷. – Zamirat blushed even more.

*A psor zèrig"èzahuèu, išlènur imyšlèžu zèm pl"yž', zèm huž' h"uuè šyst Zamirèt, psal"èmak"ri zèhimyhyu*²⁸. – Pondering all this, not knowing what to do, Zamirat sits now blushing, now turning white, not hearing the conversation.

*Sofât zèuè pl"yž' mèh"uri i šh"èr eg"èl"ah"šè, i naplèhèr ireh"èh*²⁹. – Sophiat immediately blushed and lowered her head, lowering her eyes.

*Aružan pl"yž'u k"zyžšlènát, i nèklum pšlèntlèps k"ekluat, gušhuag"èklè i gur zel"atèrt, guhèh"uè inklè i nitlyr lydyrt*³⁰. – Aružan blushed, her face became sweaty, but her heart fluttered with pride, her eyes shone with joy.

Red is associated with anger, danger, physical ailment.

Hyv bostež pl"yž" il"èg"ua huèdè – furious; get angry very much (literally: looks like a bull who sees a red dress);

Dèp pl"yž'u k"yzèšlènaš – get angry (lit. turned red like hot coal);

*Šè pl"yž' k"yraph"yh*³¹. – red-hot (red) bullets are raining down.

*I pl"yrž'èrag"ri nèh' mašlè h'ua*³². – The redness and heat are less.

But in general, red has a life-affirming symbolism, detailing in images that express beauty, brightness, elegance, festivity.

*Myr sytu thyl" pl"yž' kuèd!*³³ – How many red books!

*Pèžu, ar pl"yž' ig"uèdžèk"ym – nèklušh"èpl" zèklužš, eg"èleâuè fè lej zèrih"èrk"ym, i pk"ym jokluž*³⁴. – True, not too red - the blush is beautiful, and not too plump, beautiful in its own way.

*Musè k"uè k"yhual"huati kh"uejpl"yž'klèryšlè imyšlu idak"ym*³⁵. – Musa had a son, and in honor of this he insisted on the game of «hanging red cheese».

*Sofât i nitlyr k"yzètreh erag"klè, plèm k"otlysh"èri, šhylèn pl"yž' hèdyklar l"ènyk"uèklè iredzèkl*³⁶. – Sofyat barely opens her eyes, sits down on the bed, and throws aside the embroidered red blanket.

*Mes, kh"uèšnyšh"è th"uèpl"hèr nèh"ri zèšleg"anè, žyg lèdijhèm dyšèps àreklyh, «Zor"kèm» i bg"uèšlyr zèrypl"yž'ym i lejuè dèp ž'èraž'è èšl, šyg"uègu h'èsè bg"uflèhèri zèšlèštè — psori mèth"uèpl", guapèu zèšosyki*³⁷. – Here, the red tiles flare-up, even more, the trees are covered with gold, despite the redness the slope of the «Dawn» becomes fiery red, embracing wide paths - everything turns red, glowing beautifully.

²⁷ Karmokov M. M. A topolya vse rastut. Roman. Nal'chik: El'-fa. 2004. S. 36 (In the Kabardino-Circassian language).

²⁸ In the same place, s. 73.

²⁹ Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 66 (In the Kabardino-Circassian language).

³⁰ In the same place, s. 88.

³¹ Keshokov A. P. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 1. Nal'chik: El'brus, 2004. S. 13 (In the Kabardino-Circassian language).

³² Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 4 (In the Kabardino-Circassian language).

³³ Keshokov A. P. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 1. Nal'chik: El'brus, 2004. S. 62 (In the Kabardino-Circassian language).

³⁴ Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 11 (In the Kabardino-Circassian language).

³⁵ Keshokov A. P. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 2. Chudesnoe mgnovenie: Roman. Nal'chik: El'brus, 2005 (In the Kabardino-Circassian language).

³⁶ Shogencukov A. A. Sochineniya. Nal'chik, 2000. S. 8 (In the Kabardino-Circassian language).

³⁷ In the same place, s. 9.

Red is dynamic, ambivalent because it can symbolize both a life-affirming principle and destruction, illness, death, destruction, which is a continuation of the mythopoetic tradition.

Conclusions

Color-denoting vocabulary is studied from two mutually exclusive positions: human perception of color (ontology and pragmatics) and the structure of specific color meanings (semantics and semiotics of color).

In creating a holistic picture of the world, color perception plays an important role as part of visual information. Text units with color semantics create not only a visual image; they carry additional information and certain emotionally expressive shades.

The global problem of the color picture of the world is the problem of possible color categorization. When describing color denominates in linguistics, researchers are faced primarily with the problem of classifying color adjectives. In the area of color-coding, the concept of a prototype is used. A prototype is a member of a category that fully embodies the properties and characteristics characteristic of a given category, therefore, color values can be qualified according to the principle of correlation with a color prototype.

The color denominates of a particular language have a pronounced national and cultural specificity and are significant elements for building a fragment of the national picture of the world of the corresponding linguacultural community. Based on the data on the names of colors in the language, one can judge its historical and cultural development, if we understand by this development the order of appearance in the language of certain names of flowers.

In **conclusion**, the universal world is refracted in the Adyghe color picture of the world. In general, the mythopoetic picture of color and the individual author's coloristic images do not go beyond the well-known framework of the worldview, originally laid down in the black-white-red triad, remaining in the context of traditional color painting. At the same time, the Adyghe national color perception of the world within the analyzed color denominates is distinguished by brightness, a high degree of monochrome, and integrity, which reflects ethnic ideas about moral principles and the meaning of life.

Ссылки

1. Gataullina L. V. The role of color designations in the conceptualization of the world: autoref. dis. for the degree of Candidate of Phil. sciences. Ufa, Bashkir University, 2005, 24 p.
2. Berlin B., Kay R. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley; Los Angeles: U. of California Press, 1969. 178 p.
3. Kharaeva L. H. The symbolism of color meanings in the language of poetry by Arthur Rimbaud // Problems of general and private linguistics: lexico-grammatical and linguoculturological aspects. Nalchik: Kab.-Bul. un-t, 2017. P. 133–148.
4. Fedorov F. P. Romantic art world: space and time. Riga: Zinantne, 1988. 454 p.
5. Turner V. U. The problem of color classification in primitive cultures (based on the material of the Ndembu ritual) // Semiotics and artometry / Edited by Yu. M. Lotman, V. M. Petrov. M.: Mir, 1972. P. 50–81.

6. Shemyakin F. I. On the question of the relation of the word and the visual image (color and its meaning) // Thinking and speech. Izvestiya APNRSFSR. M., 1960. Iss. 13. P. 5-48.
7. Zhanturina B. N. Metaphors based on the perceptual component (based on the material of the Russian and English languages). M.: Flint, 2018. 164 p.
8. Rodionova E. V. Linguistic actualization of color designation in the anthropo-cognitive aspect: autoref. for the degree of Candidate of Phil. sciences. St. Petersburg, 2007. 22 p.
9. Shugusheva D. H. Phraseological representation of the concept of gu (heart) in the works of A.P. Keshokov // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2017. P. 194–197.
10. Ezaova M. Y. Linguistic cultural codes in the lexico-semantic field of kinship of the Kabardino-Circassian language // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2017. P. 98–101.
11. Kudaeva Z. Zh. Mythopoetic model of the Adyghe verbal culture. Nalchik: Elbrus, 2008. 298 p.
12. Basovskaya E. N. Associative field of adjectives-color meanings in the Russian language picture of the world (according to the linguistic experiment). // Russian and Comparative Philology: state and prospects. International scientific conference dedicated to the 200-th anniversary of Kazan University. Kazan, 2004. P. 205–222.
13. Frumkina R. M. Color, meaning, similarity. Aspect of psycholinguistic analysis. M.: Nauka, 1984. 176 p.
14. Ezaova M. Yu., Kardanov M. L., Shugusheva D. H. Manifestation of taboo in the system of kinship of the Adyghe languages // Filologos. Yelets State University named after I. A. Bunin. Yelets, 2019. P. 27–32.

Unofficial toponyms in the linguistic consciousness of Yaroslavl residents: estimated component

Y. S. Potyomkina¹, M. V. Shamanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-334-356

Research article
Full text in Russian

The experiment is one of the effective ways to study the semantics of unofficial toponyms in the linguistic consciousness. The article presents a psycholinguistic description of unofficial toponyms of Yaroslavl. The toponyms is based on associative fields. We mean that unofficial toponyms are lexemes which are not fixed in dictionaries. In urban speech these toponyms have unofficial names of geographical objects. For the study, we chose two unofficial toponyms: Pyaterka and Bragino. Based on the results of free and directed associative experiments, we have formed associative fields of the corresponding toponyms. All the reactions received were divided into semantic groups. We compared semantic zones and evaluative reactions. This allowed us to identify the degree of mastery and peculiarities of the perception of unofficial toponyms by the linguistic consciousness of Yaroslavl residents. The following semantic zones were identified in the associative field obtained as a result of a directed associative experiment. These zones complement the zones of free associative experiment: "Spatial aspect", "Anthropological aspect", "Urban aspect", "Subjective-emotional aspect", "Visual aspect". On the one hand, the use of various experiments makes it possible to verify the data obtained, and on the other hand, it helps to significantly expand the semantics of the associative field, including identifying the evaluative component.

Keywords: toponym; unofficial toponym; language consciousness; associative experiment; associative field; semantic group

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Potyomkina, Yulia S., | E-mail: potyomkina.yuliya@yandex.ru
Graduate

Shamanova, Marina V. | E-mail: mshamanova@mail.ru
(correspondence author) | Doc. Sc. (Philology), Associate Professor

For citation: Potyomkina Y. S., Shamanova M. V. Unofficial toponyms in the linguistic consciousness of Yaroslavl residents: estimated component // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2022. Vol. 8, No 3. P. 334-356. (in Russ.)

Неофициальные топонимы в языковом сознании ярославцев: оценочный компонент

Ю. С. Потемкина¹, М. В. Шаманова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-334-356
УДК 811.161.1

Научная статья
Полный текст на русском языке

Одним из эффективных способов изучения семантики неофициальных топонимов в языковом сознании является эксперимент. В статье представлено психолингвистическое описание неофициальных топонимов г. Ярославля на базе ассоциативных полей. Под неофициальными топонимами нами понимаются лексемы, которые не закреплены в словарях и функционируют в городской речи как неофициальные наименования географических объектов. Для исследования взяты два неофициальных топонима: Пятерка и Брагино. На базе данных свободного и направленного ассоциативных экспериментов (САЭ и НАЭ) сформированы ассоциативные поля соответствующих топонимов. Все полученные реакции были распределены по семантическим группам. Сопоставление семантических зон и оценочных реакций позволили выявить степень освоенности и особенности восприятия неофициальных топонимов языковым сознанием ярославцев. Были выявлены следующие семантические зоны в ассоциативном поле, полученном в результате проведения НАЭ, которые дополняют зоны САЭ: «Пространственный аспект», «Антропологический аспект», «Урбанистический аспект», «Субъективно-эмоциональный аспект», «Визуальный аспект». Показано, что применение различных экспериментов позволяет, с одной стороны, верифицировать полученные данные, с другой стороны, значительно расширить семантику ассоциативного поля, в том числе выявить оценочный компонент.

Ключевые слова: топоним; неофициальный топоним; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; ассоциативное поле; семантическая группа

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потемкина, Юлия Сергеевна | E-mail: potyomkina.yuliya@yandex.ru
Студент, ведущий архитектор голосовых роботов
(ООО «КВИНТ»)

Шаманова, Марина Владимировна | E-mail: mshamanova@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
общей и прикладной филологии

Для цитирования: Потемкина Ю. С., Шаманова М. В. Неофициальные топонимы в языковом сознании ярославцев: оценочный компонент // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 3. С. 334-356.

Актуальность настоящего исследования связана с вниманием современной лингвистики к именам собственным, в частности к топонимам. Особый интерес представляют неофициальные топонимы, изучение которых связано не только с лингвистикой, но и с рядом гуманитарных наук.

Под неофициальными топонимами вслед за О. А. Шариповой мы будем понимать устойчивые выражения, которые не закреплены в словарях и функционируют в городской речи как неофициальные названия географических объектов [1].

Официальные и неофициальные топонимы обладают рядом важных отличий. Назовем некоторые из них:

- официальные и неофициальные топонимы принадлежат различным сферам употребления;
- неофициальные топонимы зачастую обладают эмоционально-оценочной окраской;
- неофициальные топонимы непостоянны, они не имеют древней истории и не закреплены в словарях;
- функционирование неофициальных топонимов в живой речи способствует появлению различных вариантов их использования;
- неофициальные топонимы в большей степени характеризуют черты и условия жизни городского населения, его быт и в меньшей степени раскрывают колорит конкретной эпохи в развитии общества;
- неофициальные топонимы могут обладать как качеством историчности, так и динамичности, то есть могут жить в памяти жителей десятками лет или совсем недолго [Там же].

Люди придумывают неофициальные топонимы для обозначения местных ориентиров или для номинации уже существующих официальных объектов, поэтому неофициальные топонимы обладают вторичным характером. Вследствие этого неофициальные топонимы наиболее ярко реализуют пространственную идентичность [2, с. 134]. Они отражают особенности языковой картины мира социума и передают информацию о его культуре, истории, ментальности, быте и обычаях [3, с. 61].

Предметом исследования в данной статье является оценочный аспект семантики неофициальных топонимов в сознании жителей г. Ярославля. Ранее мы обращались к изучению неофициальных топонимов [4], однако описывали прежде всего их семантику. Как показывают исследования, свободный ассоциативный эксперимент является адекватным и результативным методом при описании семантики слова. Однако привлечение других экспериментальных методик позволяет существенно расширить представление о том или ином объекте, в том числе описать оценочный компонент.

В зависимости от поля научных интересов исследователи выделяют различные классификации оценок, в основу которых заложены те или иные критерии.

Первый критерий – аксиологическая интерпретация. Два значения аксиологического оператора – «хорошо / плохо» – позволяют в зависимости от знака «+» или «-» выделить два типа оценки:

- положительную (мелиоративную);
- отрицательную (пейоративную, дерогативную) [5].

Данная классификация носит наиболее обобщенный характер, так как позволяет ответить на вопрос: положительно или отрицательно относится автор оценочно-

го высказывания к объекту действительности, признает или не признает его ценность [6, с. 154].

Второй критерий – наличие эмотивного компонента. В зависимости от его наличия или отсутствия оценка бывает:

- рациональной (интеллектуально-логической);
- эмоциональной [5].

Первая опирается на социальные стереотипы и выражается оценочным суждением. Вторая предполагает непосредственную реакцию на объект и характеризуется экспрессивностью.

Третий критерий – соотношение объективного и субъективного факторов. Взаимодействие этих свойств объекта позволяет говорить о его дескриптивных (собственные свойства объекта: цвет, форма, размер) и оценочных признаках (свойства, приписываемые субъектом: хороший, плохой). Обозначения собственно свойств, содержащих оценочный компонент (талантливый, усердный, добрый, нахальный, глупый и т. д.), являются частнооценочными, а свойства, приписываемые субъектом (хороший, отличный и т. п.), – общеоценочными.

Так, в зависимости от характера оценочного признака, который обусловлен взаимодействием объективных и субъективных факторов, выделяется две разновидности оценок:

- общая оценка (холистическая оценка, аксиологический итог);
- частная оценка [Там же].

Четвертый критерий – способ оценивания. В зависимости от формулировки оценочного высказывания различают два типа оценки:

- абсолютная оценка;
- сравнительная оценка [Там же].

В формулировках первой используется шкала «хорошо / плохо», второй – «лучше / хуже». Также в случае абсолютной оценки речь идет, как правило, об одном оценочном объекте, при сравнительной – есть по крайней мере два объекта.

Пятый критерий – влияние контекста. С точки зрения влияния контекста на реализацию семантики оценочного высказывания различают две разновидности оценки:

- ингерентная (языковая, узуальная) оценка;
- адгерентная (речевая, окказиональная) оценка.

Неоценочное само по себе слово может стать оценочным в контексте оценочного высказывания. Данная классификация позволяет максимально широко рассматривать оценочные высказывания.

С. В. Архипова утверждает, что «ассоциативный эксперимент является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики». Он вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов, языковые стереотипы – все то, что помогает впоследствии обобщить как «специфические черты менталитета» [7, с. 6]. Нами был использован свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) и направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ).

В рамках САЭ испытуемым предлагалось следующее задание:

«Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Пожалуйста, прочитайте предлагаемый список слов и около каждого напишите первое слово,

которое придет Вам в голову. Не раздумывайте долго. Если ни одно слово не вспоминается, ставьте прочерк.

Пятерка _____

Брагино _____

Заволга _____

Нефтестрой _____

Суздалка _____

Кресты _____

Перекоп _____

Ляпинка _____

Просим указать свои данные: пол _____, возраст _____.»

В эксперименте приняли участие 100 человек: жители Ярославля в возрасте от 18 до 70 лет.

В рамках НАЭ испытуемым предлагалось следующее задание:

«Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Пожалуйста, прочитайте предлагаемый список слов и около каждого напишите свою оценку: каким именем прилагательным вы бы описали каждое слово? Например, Арбат — красивый.

Пятерка – какая? _____

Заволга – какая? _____

Нефтестрой – какой? _____

Суздалка – какая? _____

Кресты – какие? _____

Перекоп – какой? _____

Ляпинка – какая? _____

Просим указать свои данные: пол _____, возраст _____.»

В психолингвистическом эксперименте приняли участие 100 человек: жители Ярославля в возрасте от 18 до 70 лет.

По результатам свободного и направленного ассоциативного эксперимента были составлены ассоциативные поля на предложенные в анкетах стимулы.

Приведем результаты эксперимента на слова-стимулы *Пятерка, Брагино* (сохранены орфография и пунктуация анкет).

ПЯТЕРКА

САЭ

ПЯТЕРКА 100: магазин 19; трамвай 12; Пятерочка 9; оценка 5; манеж 4; бассейн 3; выручает, Лазурный, машина, наркотики, Торпедо, троллейбус, район, центр 2; баня, бываю, далеко, даль, детство, дом, друзья, жигули, жуть, зарезали человека, збс, наркоманы, не люблю этот район, однотипность, пять рублей, рынок, скидки, старый район, сынулька, трущобы, угрюмые лица, школа, хрущевки, цифра, Чкалова 1.

Всего реакций – 93, из них различных – 39. В 7 анкетах реакции отсутствовали.

Ассоциативные реакции были распределены по семантическим группам, которые мы расположили в порядке убывания общего количества реакций в группе:

Указание на городские и природные объекты: манеж 4; бассейн 3; Лазурный, Торпедо 2; баня, рынок, трущобы, школа, хрущевки, Чкалова 1. Всего 17 реакций.

Характеристика с помощью различных видов транспорта: трамвай 12; троллейбус 2. Всего 14 реакций.

Пространственная характеристика: район, центр 2; далеко, даль, старый район 1. Всего 7 реакций.

Эмоции, впечатления, субъективные ощущения, оценки: бываю, жуть, зарезали человека, збс, не люблю этот район, однотипность, угрюмые лица 1. Всего 7 реакций.

Связь с домом и семьей, знакомыми: детство, дом, друзья, сынулька 1. Всего 4 реакции.

Определение района как неблагополучного: наркотики 2; наркоманы 1. Всего 3 реакции.

У многих испытуемых в языковом сознании стимул «пятерка» связан не с топонимом, а с сетью магазинов «Пятерочка»: магазин 19; Пятерочка 9; выручает 2; скидки 1. Всего 31 реакция. Также реципиенты связывают данное слово-стимул с оценкой: оценка 5. Всего 5 реакций. Несколько испытуемых связывают слово-стимул с маркой автомобиля: машина 2; жигули 1. Единичная реакция связана с цифровым обозначением – цифра. Другая единичная реакция связана с монетой – пять рублей. Большое количество реакций, не связанных с районом, свидетельствует о довольно низкой освоенности данного топонима в языковом сознании местных жителей.

Ядро ассоциативного поля четко выражено: магазин 19; трамвай 12; Пятерочка 9, центр ядра обозначен высоким индексом яркости, однако две ядерные реакции связаны не с топонимом, а с сетью магазинов, что говорит о подмене понятий в языковом сознании местных жителей. Ядерная реакция трамвай с индексом яркости 12, в свою очередь, говорит о высокой освоенности неофициального топонима, так как она связана с этимологией данного района (Пятерка названа по номеру трамвая). Так, степень освоенности данного неофициального топонима в языковом сознании местных жителей можно считать неоднородной.

На топоним было дано 8 оценочных реакций (8,6 %), из них 1 положительная (збс), которая принадлежит к пласту нецензурной лексики и является собственно-оценочной, и 7 отрицательных (наркотики 2; жуть, наркоманы, не люблю этот район, однотипность, трущобы, угрюмые лица 1), они сочетают эмоционально-оценочный смысл с дескриптивным. Таким образом, отрицательно-оценочных реакций в 8 раз больше, чем положительно-оценочных.

В целом большое количество различных реакций свидетельствует о достаточно высокой и дифференцированной освоенности неофициального топонима Пятерка.

НАЭ

ПЯТЕРКА 100: старая 9; грязная, опасная, скидочная 4; далекая, наркоманская, отличная, шумная 3; криминальная, маленькая, родная, советская, страшная, школьная 2; аушная, бездорожье, больная, большая, ветхая, выгодная, гулящая, домашняя, желтая, жигули, зависимая, загадочная, запутанная, компактная, красная, кривая, любимая, милая, много скидок, многолюдная, мрачная, невзрачная, некрасивая, необычная, непримечательная, никакая, ну такая себе, отвратительная, повседневная, полуразрушенная, посещаемая, пропитая, пятибалльная, рабочая, разруха, разрушенная, с дешевыми гаражами, с трамвайными путями, серая, спокойная, спортивная, старые желтые здания, там живёт мой друг Антон, там трамвай, темная, ужасная, узкая, устаревшая 1.

Всего реакций – 93, из них различных – 62. В 6 анкетах реакции отсутствовали. Мы приравнивали к отсутствию ответа реакцию *неизвестная* 1.

Ассоциативные реакции были распределены по семантическим группам, которые мы расположили в порядке убывания общего количества реакций в группе:

Урбанистический аспект: старая 9; советская 2; бездорожье, ветхая, запутанная, полуразрушенная, разруха, разрушенная, с дешевыми гаражами, с трамвайными путями, спортивная, старые желтые здания, там трамвай, устаревшая 1. Всего 23 реакции.

Субъективно-эмоциональный аспект: шумная 3; родная, страшная 2; больная, гуляющая, домашняя, загадочная, любимая, милая, необычная, никакая, ну такая себе, повседневная, рабочая, спокойная, там живёт мой друг Антон 1. Всего 20 реакций.

Визуальный аспект: грязная 4; желтая, красная, мрачная, невзрачная, некрасивая, непримечательная, отвратительная, серая, темная, ужасная, узкая 1. Всего 15 реакций.

Антропологический аспект: опасная 4; наркоманская 3; криминальная 2; ауешная, зависимая, многолюдная, пропитая 1. Всего 13 реакций.

Пространственный аспект: далекая 3; маленькая 2; большая, компактная 1. Всего 7 реакций.

У части испытуемых в языковом сознании стимул «пятерка» связан не с топонимом, а с сетью магазинов «Пятерочка»: *скидочная* 4; *выгодная, много скидок, посещаемая* 1. Всего 7 реакций. Также реципиенты связывают данное слово-стимул с оценкой: *отличная* 3; *школьная* 2; *пятибалльная* 1. Всего 6 реакций. Единичная реакция связана с маркой автомобиля – *жигули*.

Ядро ассоциативного поля компактное, включает всего одну реакцию *старая* 9, которая связана с урбанистическим аспектом, отражает особенности застройки данного района и сочетает эмоционально-оценочный смысл с дескриптивным.

Ассоциаты, объективирующие одобрение, позитивную оценку: *родная* 2; *домашняя, любимая, милая, спокойная* 1. Всего 6 реакций (6,5 %).

Ассоциаты, объективирующие неодобрение, негативную оценку: *старая* 9; *грязная, опасная* 4; *далекая, наркоманская, шумная* 3; *криминальная, страшная* 2; *ауешная, бездорожье, больная, ветхая, зависимая, кривая, мрачная, невзрачная, некрасивая, непримечательная, никакая, ну такая себе, отвратительная, полуразрушенная, пропитая, разруха, разрушенная, старые желтые здания, темная, ужасная, устаревшая* 1. Всего 51 реакция (54,9 %).

На топоним *Пятерка* преобладают неодобрительные оценочные семы – 54,9 % от общего количества реакций в НАЭ. В основном отрицательные оценки реципиентов связаны с урбанистическим и визуальным восприятием местности, а также с характеристиками жителей, населяющих данный район. Отметим также, что ядерная реакция для данного ассоциативного поля является отрицательно-оценочной – *старая* 9, что подчеркивает критическое отношение местных жителей к району. Актуализируют данную оценку реакции, полученные в рамках САЭ: *старый район, трущобы, хрущевки* 1.

Реакции с положительной оценкой составляют 6,5 % от общего количества реакций в рамках НАЭ и в основном связаны с личным опытом, эмоциями и впечатлениями испытуемых. Реакции *родная, домашняя, любимая* актуализируют реакции, полученные в рамках САЭ, которые связаны с домом и семьей, знакомыми: *детство,*

дом, друзья, сынулька 1. Таким образом, положительно-оценочные реакции уточняют дескриптивные ассоциаты и устанавливают определенное соотношение объективного и субъективного факторов топонима.

По эмоциональной шкале отрицательные ассоциаты являются более экспрессивными, они носят как фактологический характер (*старая 9; грязная, опасная 4; наркоманская, шумная 3*), так и ситуативный характер и являются отражением личного негативного опыта испытуемых (*страшная 2; ауешная, невзрачная, некрасивая, непримечательная, никакая, ну такая себе 1*). Об экспрессивности оценочных ассоциатов также говорит наличие реакции, которая является устойчивым сочетанием, существующим также в качестве мема (*ну такая себе 1*), а также реакция, принадлежащая к пласту криминального сленга (*ауешная 1*).

При сравнении оценочных реакций в рамках САЭ и НАЭ можем отметить общую тенденцию к оценке неблагоприятности данного района (САЭ: *наркотики 2; жуть, наркоманы, трущобы 1*. НАЭ: *опасная 4; наркоманская 3; криминальная 2; ауешная, зависимая, пропитая 1*).

По результатам НАЭ и САЭ на топоним Пятерка преобладают ассоциаты, объективирующие негативную оценку, – 56,9 % и 7,5 % соответственно.

БРАГИНО

САЭ

БРАГИНО 100: далеко 9; гопники, дом 7; брага, пруды «очки», район 5; криминал 4; деревня, здесь (БРЗД), живу, Космос 3; Альтаир, бандиты, болото, глушь, Дзержинский р-н, преступность, ужас; бабуля, биомусор, бродит, Бродягино, беднота, говно, детская больница, друзья, завод, конечная, маршрутка, муравейник, нет дорог вообще, ностальгия из детства, опасно, опасное местечко но приспособиться можно, опасность, отшиб города, панелька, разбой, родное, рынок, там убивают людей, трамвай, парк Победы, пацанчики, промзона, фабричный район, хрущевки 1.

Всего реакций – 98, из них различных – 48. В 2 анкетах реакции отсутствовали.

Ассоциативные реакции были распределены по семантическим группам, которые мы расположили в порядке убывания общего количества реакций в группе:

Пространственная характеристика: далеко 9; район 5; деревня, здесь (БРЗД) 3; болото, глушь, Дзержинский р-н, 2; отшиб города 1. Всего 27 реакций.

Определение района как неблагоприятного: гопники 7; криминал 4; бандиты, преступность 2; биомусор, беднота, опасно, опасное местечко но приспособиться можно, опасность, пацанчики, разбой, там убивают людей 1. Всего 23 реакции.

Указание на городские и природные объекты: пруды «очки» 5; Космос 3; Альтаир 2; детская больница, завод, панелька, парк Победы, рынок, промзона, фабричный район, хрущевки 1. Всего 18 реакций.

Связь с домом и семьей, знакомыми: дом 7; живу 3; бабуля, друзья, ностальгия из детства 1. Всего 13 реакций.

Эмоции, впечатления, субъективные ощущения, оценки: ужас 2; говно, муравейник, родное 1. Всего 5 реакций.

Характеристика с помощью различных видов транспорта: конечная, маршрутка, трамвай 1. Всего 3 реакции.

Не были распределены в семантические группы созвучные реакции: *брага, бродит, Бродягино* 1. Всего 3 реакции.

Единичная реакция *нет дорог вообще* не образовала семантическую группу, но она связана с характеристикой дорожных условий.

Ядро ассоциативного поля довольно четко выражено, при этом оно является многочисленным по количеству различных реакций: *далеко* 9; *гонники, дом* 7; *брага, пруды «очки», район* 5. Отметим, что реципиенты определяют Брагино как с помощью абстрактной пространственной характеристики *далеко*, так и более конкретными реакциями и связывают район с домом и городскими объектами. Непосредственное определение неофициального топонима *Брагино – район* – вошло в состав ядерных реакций, что также подчеркивает высокую степень освоенности данного топонима.

На топоним было дано 34 оценочных реакции (34,7 %), из них 1 положительная (*родное* 1), которая сочетает оценочный смысл с дескриптивным, и 33 отрицательных (*гонники* 7; *криминал* 4; *деревня* 3; *бандиты, глушь, преступность, ужас* 2; *биомусор, беднота, говно, муравейник, нет дорог вообще, опасно, опасное местечко но приспособиться можно, опасность, отшиб города, разбой, родное, там убивают людей* 1).

В целом большое количество различных реакций свидетельствует о разносторонней освоенности неофициального топонима в языковом сознании местных жителей. Небольшое количество анкет, в которых реакции отсутствовали, подчеркивает освоенность неофициального топонима *Брагино*.

НАЭ

БРАГИНО 100: родное 10; опасное 8; большое 5; криминальное, серое, старое, страшное 4; далекое, грустное, грязное, забивное, стремное, убитое, ярославское 3; загрязненное, мрачное, темное, унылое, ужасное 2; болотистое, бродячее, веселое, выжженное, гнилое, жестокое, загнивающее, интересное, лучше не видеть, любимое, многоэтажное, не знакомое, беспокойное, неустроенное, ни о чем, никчемное, нормальное, п*здец, помойка, разнообразное, скучное, странное, странные люди, суетное, там жечь, тоскливое, урбанизированное 1.

Всего реакций – 97, из них различных – 46. В 2 анкетах реакции отсутствовали. Мы приравнивали к отсутствию ответа реакцию *не знакомое* 1.

Ассоциативные реакции были распределены по семантическим группам, которые мы расположили в порядке убывания общего количества реакций в группе:

Визуальный аспект: серое, старое, страшное 4; грязное, стремное, убитое 3; мрачное, темное, ужасное, унылое 2; выжженное, там жечь 1. Всего 31 реакция.

Субъективно-эмоциональный аспект: родное 10; грустное 3; веселое, гнилое, загнивающее, интересное, лучше не видеть, любимое, беспокойное, ни о чем, никчемное, нормальное, п*здец, разнообразное, скучное, странное, суетное, тоскливое 1. Всего 29 реакций.

Антропологический аспект: опасное 8; криминальное 4; забивное 3; жестокое, странные люди 1. Всего 17 реакций.

Пространственный аспект: большое 5; далекое, ярославское 3; болотистое 1. Всего 12 реакций.

Урбанистический аспект: загрязненное 2; многоэтажное, неустроенное, помойка, урбанизированное 1. Всего 6 реакций.

Не была распределена в семантические группы созвучная реакция *бродячее*.

Ядро ассоциативного поля также довольно четко выражено: *родное 10; опасное 8; большое 5*. Отметим, что реципиенты дают полярные с точки зрения оценочной шкалы реакции: *родное* и *опасное*, которые сочетают оценочный смысл с дескриптивным. Наличие подобных реакций можно объяснить проживанием или не проживанием испытуемых на территории данного локуса.

Ассоциаты, объективирующие одобрение, позитивную оценку: *родное 10; веселое, интересное, любимое, нормальное, разнообразное 1*. Всего 15 реакций (15,5 %).

Ассоциаты, объективирующие неодобрение, негативную оценку: *опасное 8; криминальное, серое, старое, страшное 4; далекое, грустное, грязное, забивное, стремное, убитое 3; загрязненное, мрачное, темное, унылое, ужасное 2; выжженное, гнилое, жестокое, загнивающее, лучше не видеть, беспокойное, неустроенное, ни о чем, никчемное, п*здец, помойка, скучное, странное, странные люди, суетное, там жесьть, тоскливое 1*. Всего 69 реакций (71,1 %).

На топоним *Брагино* преобладают неодобрительные оценочные семы – 71,1 % от общего количества реакций в НАЭ. В основном отрицательные оценки реципиентов связаны с визуальным восприятием местности, с личными эмоциями и впечатлениями, а также с характеристиками жителей, населяющих данный район.

Положительные оценки составляют 15,5 % от общего количества реакций в рамках НАЭ и в основном связаны с личными опытом, эмоциями и впечатлениями испытуемых. Отметим также, что ядерная реакция для данного ассоциативного поля является положительно-оценочной – *родное 10*, что подчеркивает положительное отношение местных жителей к району, в котором они непосредственно проживают. Кроме того, семантическая группа «Связь с домом и семьей, знакомыми» также сформирована в САЭ и является четвертой по численности (13 реакций).

По эмоциональной шкале отрицательные ассоциаты являются более экспрессивными, они несут как фактологический характер (*опасное 8; криминальное 4*), так и ситуативный характер и являются отражением личного негативного опыта испытуемых (*грустное, грязное, стремное, убитое 3*). Об экспрессивности оценочных ассоциатов также говорит наличие реакций, которые принадлежат к пласту нецензурной лексики (*п*здец 1*), а также к числу современного сленга (*забивное 3*).

При сравнении оценочных реакций в рамках САЭ и НАЭ можем отметить общую тенденцию к оценке неблагополучности данного района (САЭ: *гопники 7; криминал 4; бандиты, преступность 2; биомусор, беднота, опасно, опасное местечко но приспособиться можно, опасность, пацанчики, разбой, там убивают людей 1*. НАЭ: *опасное 8; криминальное 4; забивное 3; жестокое 1*).

Также испытуемые оценивают визуальный аспект района (САЭ: *ужас 2; говно, муравейник 1*). Причем все реакции из данной группы как в САЭ, так и в НАЭ являются неодобрительно-оценочными.

По результатам НАЭ и САЭ на топоним *Брагино* преобладают ассоциаты, объективирующие негативную оценку, – 71,1 % и 33,7 % соответственно.

Сопоставление семантических зон и оценочных реакций позволило выявить степень освоенности и особенности восприятия неофициальных топонимов языковым сознанием ярославцев.

Результаты анализа приведем в таблицах 1, 2, 3.

Степень освоенности топонимов в языковом сознании ярославцев

Топоним	САЭ	НАЭ
Пятерка	7 отказов 39 различных реакций	7 отказов 51 различная реакция
Брагино	2 отказа 48 различных реакций	3 отказа 46 различных реакций

Семантические группы, составляющие ассоциативные поля топонимов в САЭ и НАЭ, в большинстве случаев дополняют друг друга, результаты САЭ позволяют сформулировать семантическое значение, а результаты НАЭ дополнить его.

Семантические группы, составляющие ассоциативные поля топонимов

Топоним	Группа в САЭ	Группа в НАЭ
Брагино	Пространственная характеристика (27)	Пространственный аспект (12)
	Определение района как неблагополучного (23)	Антропологический аспект (17)
	Указание на городские и природные объекты (18)	Урбанистический аспект (6)
	Связь с домом и семьей, знакомыми (13)	Субъективно-эмоциональный аспект (29)
	Эмоции, впечатления, субъективные ощущения, оценки (5)	Субъективно-эмоциональный аспект (29) Визуальный аспект (31)
	Характеристика с помощью различных видов транспорта (3)	-
Пятерка	Указание на городские и природные объекты (17)	Урбанистический аспект (23)
	Характеристика с помощью различных видов транспорта (14)	-
	Пространственная характеристика (7)	Пространственный аспект (7)
	Эмоции, впечатления, субъективные ощущения, оценки (7)	Субъективно-эмоциональный аспект (18) Визуальный аспект (15)
	Связь с домом и семьей, знакомыми (4)	Субъективно-эмоциональный аспект (18)
	Определение района как неблагополучного (3)	Антропологический аспект (13)

Как видно из результатов исследования, многие малочисленные группы в САЭ дополняются большими по количеству реакций группами НАЭ, и наоборот, что позволяет более объемно и подробно изучать языковое сознание ярославцев.

Оценочные реакции

Оценочные реакции	САЭ		НАЭ	
	Пятерка	Брагино	Пятерка	Брагино
«+»	1	1	6	15
«-»	7	33	53	69
Всего	8	34	59	84

Отрицательно-оценочные реакции преобладают над положительно-оценочными. Положительно-оценочные реакции, по данным САЭ, у обоих топонимов единичные, по данным НАЭ, их ненамного больше. Общее количество оценочных реакций больше в ассоциативных полях, построенных на базе НАЭ.

Таким образом, применение различных экспериментов позволяет, с одной стороны, верифицировать полученные данные, с другой стороны, значительно расширить семантику ассоциативного поля, в том числе выявить оценочный компонент.

Ссылки

1. Шарипова О. А. Неофициальные топонимы как подсистема языка города // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoofitsialnye-toponimy-kak-podsystema-yazyka-goroda> (дата обращения: 23.08.2022).

2. Ковалев Г. Ф. Ономастические единицы как фактор идентичности // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Т. I. Воронеж, 2000. С. 134–139.

3. Бобылева Е. С. Лингвокультурологический анализ макротопонимов Чили // Русистика. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-analiz-makrotoponimov-chili> (дата обращения: 17.08.2022).

4. Потемкина Ю. С., Шаманова М. В. Неофициальные топонимы в языковом сознании ярославцев (на примере топонима Брагино) // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7. № 2. С. 204–11.

5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: КомКнига, 2006. 280 с.

6. Фомина Ю. А. Аспекты изучения языковой оценки // Вестник ЧелГУ. 2007. № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-izucheniya-yazykovoy-otsenki> (дата обращения: 23.08.2022)

7. Архипова С. В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2011. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-eksperiment-v-psiholingvistike> (дата обращения: 19.08.2022).

Thematic group "Education" in Ushakov's Russian language dictionary

K. O. Selezneva^{1, 2}

¹Voronezh State University, 1 University Square, Voronezh, 394018, Russian Federation

²Krasnodar High Military Aviation School for Pilots, 15 Dzerzhinskiy str., Krasnodar Krai, Krasnodar-5, 350090, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-346-356

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the lexemes which are entered into the composition of the thematic group «Education». Some lexemes from Ushakov's Russian language dictionary are used. Solid sorting is used as a method. The author has done systematization and classification of these lexemes. The author's study gave an opportunity to sort out 30 subgroups: *Educational and pedagogic processes; Educational organizations and institutions; Actuals and concepts connected with educational process; Students and pupils of some educational institutions; Teachers' names; Textbooks and didactic facilities, methods and materials; Actuals, concepts and people's names connected with education's absence or not sufficient level; Common students and pupils' names; Accountable forms, modes of inspection, actuals and processes connected with them; Associations and people connected by common activity; Actuals, concepts and people's names connected with education's presence and level; Grades and estimation; Systems, programme and forms' of training names; Teaching positions and people, their activities, academic titles and degrees; Teachers' names depending on the subject they teach; Students depending on forms and academic year; Types of the lessons etc.*

Keywords: thematic group; education; solid sorting method; vocabulary data; subgroup; lexicographical source

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Selezneva, Kristina O. | E-mail: kireeva_kristina@mail.ru
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Senior Lecturer

For citation: Selezneva K. O. Thematic group "Education" in Ushakov's Russian language dictionary // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 3. P. 346-356. (in Russ.)

Тематическая группа *Образование* в толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова

К. О. Селезнева^{1, 2}

¹Воронежский государственный университет, Университетская площадь, 1, Воронеж, 394018, Российская Федерация

²Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков, ул. Дзержинского, д. 135, Краснодарский край, Краснодар-5, 350090, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-3-346-356
УДК 81

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются лексические единицы, входящие в тематическую группу «Образование». Материалом послужили те из них, которые содержатся в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. Методом сплошной выборки были отобраны единицы, относящиеся к исследуемой тематической группе. Автором статьи были проведены систематизация и анализ полученных данных. Проведённое автором исследование позволило выделить 30 подгрупп: *Образовательные, воспитательные и педагогические процессы; Образовательные, просветительские и учебные заведения и учреждения; Реалии и понятия, связанные с образовательным, учебным и воспитательным процессом; Учащиеся и воспитанники определённых заведений; Общие наименования педагогов; Учебники и учебно-дидактические средства, методы, материалы; Реалии, понятия и наименования лиц, связанных с отсутствием и/или не достаточным образованием и воспитанием; Общие наименования учащихся и воспитанников; Формы отчётности, виды контроля и связанные с ними реалии и процессы; Объединения лиц и лица, связанные общей деятельностью; Реалии, понятия и наименования лиц, связанных с наличием и уровнем образования и воспитания; Оценки и оценивание; Наименования систем, программ и форм подготовки; Преподавательские должности, лица в этих должностях, их деятельность, учёные звания и степени; Наименования педагогов по преподаваемому предмету; Учащиеся в зависимости от курса и класса, на котором (в котором) они обучаются; Виды занятий и т. д.*

Ключевые слова: тематическая группа; образование; метод сплошной выборки; словарные данные; подгруппа; лексикографический источник

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Селезнева, Кристина Олеговна | E-mail: kireeva_kristina@mail.ru
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
социальных и гуманитарных дисциплин, старший
преподаватель отдельной дисциплины (иностранный язык)

Для цитирования: Селезнева К. О. Тематическая группа *Образование* в толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 3. С. 346-356.

Система образования каждой страны очень тесно связана со всеми историческими изменениями, которые в ней происходят. Процессы в социальной, экономической, культурной, политической сферах, в системе государственного устройства – все они оказывают непосредственное влияние на сферу образования. Более того, система образования всегда так или иначе реагирует на потребности, предъявляемые в тот или иной исторический период.

Всё больше учёных занимается изучением лексики, относящейся к сфере образования [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Данная статья представляет собой фрагмент исследования педагогической лексики в русском языке [8; 9]. В своём исследовании мы рассматриваем лексические единицы, относящиеся к данной группе, в лексикографических источниках русского языка.

Цель данной статьи – рассмотреть лексику, относящуюся к тематической группе **Образование** и представленную в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова [10].

Методом сплошной выборки из Толкового словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова нами были выписаны лексические единицы, относящиеся к исследуемой лексике. Всего у нас получилось 1251 лексическая единица. Полученные данные были проанализированы, систематизированы и распределены по тематическим группам. Представим полученные результаты:

1. Образовательные, воспитательные и педагогические процессы (330): *Атестовать, Аттестовать 1* (устарев.) – давать отзыв и/или аттестат, рекомендовать; *Атеста́ция 1; Аттеста́ция 1* (официальн.) – дей-е по глаголу аттестовать; *Атестоваться 1; Аттестоваться 1; Брать урок* – обучаться чему-нибудь частно, заниматься в определённое время, посещать урок; *Брать уроки* – учиться чему-нибудь частным образом у кого-нибудь; *Вводить 2* (книжн.) – || сообщать, преподавать кому-н. предварительные сведения, знакомить с основами чего-н.; *В долбежку (вдолбежку)* (школ. арг.) – забубривая бессмысленно, заучивая наизусть и т. д.

2. Образовательные, просветительские и учебные заведения и учреждения (112): *Академия 2* – название некоторых высших учебных заведений; *База 4* (нов. специал.) – || учреждение, которое обслуживает ту или иную культурно-просветит. работу; *Благородный пансион при Московском Университете* – где готовились к поступлению в Университет; *Ботанический сад* – учреждение, где с научной и учебной целью культивируют растения всех стран света, разных климатов; *Бурса* (устар. презрит.) – духовное училище, семинария; *Военная академия* – высш. воен.-учебн. заведение, в котором обучают военным наукам; *Воспитательный дом (доревол.)* – учрежд-е для воспит-я внебрачных детей, подкидышей; *ВТУЗ (новое)* – высш. техн. учебное заведение; *Втузовский; Вуз (новое)* – высш. учебн. завед-е и т. д.

3. Реалии и понятия, связанные с образовательным, учебным и воспитательным процессом (100): *Академизм 2* – пренебрежение к обществ. работе под предлогом важности академических занятий (в высших учебн. завед-ях); *Академический 3* – учебный (для высших учебных заведений); *Аттестационный, Аттестационный (офиц.) 2* – занимающийся аттестацией; *Аттестованный; Аттестованный; Безбукварный (педагогич.)* – который производится без букваря (об обучении грамоте); *Вакансия* – || свободное место для учащегося в учебном заведении; *Внешкольный (педагогич.)* – связанный с просветительской работой среди взрослых; *Военноучебный (официальн.)* – связанный с учеб. заведениями воен. ве-

домства; **Воспитание 2** – обладание навыками, которые отвечают требованиям, предъявляемым средой, и т. д.

4. Учащиеся и воспитанники определённых заведений (76): **Агроном** – звание окончивших курс в высш. сельхоз. учебных заведениях; **Академик 2** (*разг. дореволюц.*) – учащийся, который окончил курс в высшем учебном заведении, которое носит название духовной, военной академии; **Богослов 2** (*истор.*) – ученик духовной семинарии по богословию; **Бурсак** (*устар. презрит.*) – воспитанник бursы; **Бурсацкий** (*устар. презрит.*); **Воспитанник 2** (*офиц. дореволюц.*) – учащийся средней школы; **Воспитанница 2**; **Втузовец** (*новое*) – студент в втузе; **Втузовка** (*новое*) – студентка в втузе; **Вузовец** (*нов.*) – студент вуза и т. д.

5. Общие наименования педагогов (66): **Ассистент** – лицо, состоящее при профессоре и/или враче как помощник; научный работник, который ведёт самостоятельные занятия; **Ассистент** (*уст.*) – на экзамене помощник главного экзаменатора; **Ассистентка**; **Ассистентский**; **Бонна** (*доревол. и загранич.*) – в семье воспитательница маленьких детей, положение выше няньки, но ниже гувернантки; **Воспитатель** – лицо, воспитывающее кого-н.; **Воспитатель** – II занимающийся воспитанием, педагог; **Воспитательница**; **Воспитательский**; **Гувернантка** – в буржуазных семьях воспитательница, обычно иностранка, которую нанимают для начального обучения и воспитания детей, и т. д.

6. Учебники и учебно-дидактические средства, методы, материалы (53): **Азбука 2** – букварь; книга для началь. обучения грамоте; **Азбучка** – маленький букварь; **Букварный** (*педагог.*); **Букварный способ обучения грамоте** – противоп. Безбукварный; **Букварь** – книжка для первоначального обучения грамоте; **Вокализация 1** (*муз.*) – упр-я в пении без текста по нотам, для развития и обработки голоса; **Вопросник** (*педагогич.*) – перечень вопросов по какому-нибудь учеб. предмету; **Грамматика** – || учеб. книга, которая излагает основы, правила какого-нибудь языка; **Дальтон-план** (*педагогич.*) – школь. метод обучения, который состоит в том, что ученики сами выполняют зад-я по кажд. предмету под руководством преп-лей в специально оборудованных кабинетах; **Диктовка 2** (*школьн.*) – школьн. письменная работа для упражнения в орфографии, которая состоит в записи текста со слов диктующего, и т. д.

7. Реалии, понятия и наименования лиц, связанные с отсутствием и/или недостаточным образованием и воспитанием (52): **Автодидакт** (*книжн.*) – самоучка; **Безграмотность 1**; **Безграмотный 1** – который содержит много грам. ошибок, малограмотный; **Безграмотный 1** – || невежественный; который исполнен грубых ошибок в правилах какой-нибудь области знания; **Безграмотный 2** – неграмотный, который не умеет читать и писать; **Беспризорный 1** – (о детях) никем не воспитываемый, бездомный, живущий на улице; **Зубрилка** (*школь. арг., презритель.*) – учащийся, который или которая неспособна (способен) в учении ни на что кроме зубрежки; **Зубрилка** (*школь. арг., фамиль. презритель*) – зубрилка; **Зудила** (*школь. арг.*) – зубрилка и т. д.

8. Общие наименования учащихся и воспитанников (50): **Абитуриент** (*дорево. и загранич.*) – учащийся сред. учеб. заведения, который держит выпускные экзамены; **Бакалавр 2** – во Франции – лицо, окончившее среднюю школу; **Бакалаврский 2**; **Белоподкладочник** (*дорево.*) – студент (в мундире на белой подкладке) с франтоватой внешностью, враждебный революц. движению и демократич. части студенчества; **Бурш** – (о членах немец. студ. корпораций, известных кутежами,

дуэлями и т. п.) студент-корпорант; **Вневойсковик** (*нов. воен.*) – лицо, проходящее вневойсковую подготовку; **Вольнослушатель** (*дорев.*) – лицо, которое допускается к слушанию лекций и другим занятиям в высш. учеб. заведении без зачисления в студенты; **Вольнослушательница** (*дорев.*); **Воспитанный 1** – воспитанный, воспитываемый кем-нибудь человек; **Воспитанный 1** – || ребенок, взятый на воспитание, приемный и т. д.

9. Формы отчётности, виды контроля и связанные с ними реалии и процессы (42): **Бальник** (*школьн. дорев.*) – ведомость с отметками о поведении и успехах ученика; **Бесхвостный** (*новое вуз. арг.*) – без хвостов или хвоста; **Выпускной экзамен** – экзамен для окончания школы; **Государственные экзамены** – в высшем учебном заведении выпускные экзамены, которые проводят особой комиссией, которая назначается правительством; **Держать экзамен** – экзаменоваться; подвергаться экзамену; **Дневник 4** (*дореволюц.*) – ученическая тетрадь для отметок об успехах и для записи задаваемых уроков; **Зачесть 2** (*спец.*) – поставить зачет по какому-нибудь предмету; **Зачёт 3** (*спец.*) – проверочное собеседование преподавателя со студентом, которое выясняет степень знания студента в каком-нибудь предмете; **Испытание 2** (*книжн.*) (*офиц.*) – проверочный опрос, экзамен; **Испытательный** (*книжн., официаль.*) – служащий, который предназначен для испытания; **Испытуемый 1** (*книж. официаль.*) – который подвергается испытанию и т. д.

10. Объединения лиц и лица, связанные общей деятельностью (39): **Аудитория 2** – слушатели лекции, доклада; **Бурса** (*устар. презрит.*) – собир. Воспитанники этого училища, бурсаки; **Волчонок 2** (*нов. школьн. арг.*) – готовящийся в октябрю или ребенок из младших октябрят; **Выпуск 4** – учащиеся, которые окончили учебное заведение в данном году; **Выпускной класс** – класс оканчивающих; **Группа 3** (*нов.*) – || класс и/или отделение в средней школе; **Доцентура** (*разг.*) – || собир. Доценты учебного заведения; **Дошколята**; **Землячество** (*историч.*) – организация, которая объединяет студентов-земляков с целью культурной и материальной взаимопомощи, и т. д.

11. Реалии, понятия и наименования лиц, связанные с наличием и уровнем образования и воспитания (38): **Акушерка** – женщина со спец. образованием, которая оказывает помощь при родах; **Воспитанный 2** – || лицо, которое получило образование в каком-нибудь учеб. заведении; **Воспитанный 2** – то же, что благовоспитанный; **Врач** – лицо с высшим медицинским образованием, которое занимается лечением больных; **Высокообразованный** (*книж. газетн.*) – очень образованный; **Выученик** (*спец.*) – бывший в учении у кого-н., прошедший школу мастерства; **Грамотей 1** (*истор.*) – образованный человек, книжник; **Докторант** (*книжн.*) (*загр.*) – || лицо, которое окончило высшую школу и готовится к докторату; **Инженер** – лицо с высшим техническим образованием; **Интеллигентный 1** – культурный, образованный, который присущ интеллигенции, и т. д.

12. Оценки и оценивание (30): **Балл 2** (*дореволюц.*) – цифровая отметка при оценке поведения учащегося и успехов; **Балльный** (*книжн.*); **Влепить 4** (*школьн. арг., дореволюц.*) – поставить (плохую отметку, неудовлетворительный балл); **Восьмёрка 1** (*школьн. устар.*) – || школьная отметка, которая обозначается этой цифрой; **Два 3** (*дореволюц.*) – школьная отметка, которая обозначается цифрой 2, двойка, в пятибалльной системе в знач. неудовлетворительно; **Двойка 2** – || школьная отметка, которая обозначается этой цифрой, в знач. неудовлетворительно; **Десятка 1** (*школьн. устар.*) – || школьная отметка, обозначаемая этой цифрой; **Единица 1** (*до-*

революц.) – || отметка, самый низший балл в знач. «худо»; **Закатить 2** (*разг. устар. школьн. арг.*) – || Поставить плохую отметку, вкатить, влепить; **Зачёт 2** (*спец.*) – отметка, которая удостоверяет удовл. познания студента по какому-нибудь предмету в высшей школе, и т. д.

13. Наименования систем, программ и форм подготовки (23): **Богословие 2** (*истор.*) – старший из трех двухгодичных классов в духовной семинарии (богословие, риторика, философия); **Заочное обучение** – обучение путем письменных сношений, без устного живого общения с преподавателем; **Зубристика** (*школьн. арг., презрительн.*) – система учения, которая основана на зубрежке; **Классицизм 1** (*книжн.*) – система образования, основанная на изучении классических древних языков (латинского и греческого); **Концентр** (*педагогич.*) – ступень обучения, которая связана с предыдущей своим единством содержания и которая отличается от нее большим объемом и сложностью; **Курс 3** – система обучения, которая закончена по какой-нибудь специальности; **Курсовой 3**; **Муштра 1** (*неодобрительн.*) – суровая, придиричавая, грубая система военного обучения (изнач. военное обучение вообще и смотр войскам); **Муштра 2** (*неодобрит.*) – система воспитания, которая основана на механич. дисциплине; **Муштрованный** (*неодобрит.*) и т. д.

14. Преподавательские должности, лица в этих должностях, их деятельность, учёные звания и степени (23): **Бакалавр 1** – в Англии и в старину в университетах Западной Европы – низшая ученая степень; **Бакалаврский 1**; **Доктор 1** (*загр.*) – || звание, которое присуждается тому, кто окончил высшую школу после спец. испытания (доктората) в какой-нибудь области наук и представления науч. работы; **Домашняя наставница** (*дорев. официальн.*) – звание, выше, чем домашняя учительница, которое даётся тем, кто окончил среднее учебное заведение для женщин; **Домашняя учительница** (*дорев. официальн.*) – звание, ниже, чем *домашняя наставница*, которое даётся тем, кто окончил среднее учебное заведение для женщин; **Доцент** – ученое звание у преподавателя в высшем учебном заведении, которое ниже профессора и выше ассистента; **Доцентский**; **Доцентура** (*книжн.*) – звание, должность доцента; **Инструкторство** (*редко*) – || должность инструктора; **Лектор 2** (*устар.*) – должность преподавателя иностранных языков в высшей школе и т. д.

15. Наименования педагогов по преподаваемому предмету (22): **Балетмейстер** (*театр.*) – || преподаватель балетных танцев; **Балетмейстерский** (*театр.*); **Берейтор 2** – учитель верховой езды; **Берейторский**; **Внешкольник** (*нов.*) – педагог-специалист по внешкольному образованию; **Внешкольница** (*нов.*); **Дидактик** (*книжн.*) – преподаватель дидактики, специалист по дидактике; **Естествовед** (*школьн. арг.*) – || преподаватель естествоведения; **Законовед 2** (*школьн. дореволюц.*) – преподаватель законоведения; **Законоучитель** (*книжн., дорев.*) – преподаватель божьего закона и т. д.

16. Учащиеся в зависимости от курса и класса, на котором (в котором) они обучаются (21): **Восьмиклассник** (*дорев.*) – (в гимназиях) ученик в восьмом классе; **Восьмиклассница** (*дореволюц.*); **Второклассник** (*школьн. дорев.*) – ученик во втором классе; **Второклассница** (*школьн. дорев.*); **Выпускник** (*нов.*) – школьник или студент, который окончил учебное заведение; **Выпускной 2** (*разг., спец.*) – ученица, ученик, который (которая) окончил (окончила) учебное заведение и находится в последнем классе; **Первоклассник** – ученик в первом классе средней школы; **Первоклассница**; **Первокурсник** – студент первого курса; **Первокурсница** и т. д.

17. Виды занятий (19): *Беседа 2* – лекция при участии слушателей с обменом мнениями; *Вневойсковой (воен.)* – производящийся не в войсковых частях (о военном обучении); *Внеклассный (педаг.)* – производящийся не во время классных занятий; *Класс 4 (устар.)* – урок; *Костюмный класс* – класс рисования в костюмах живой натуры (в школах живописи); *Лекция 1* – в высшем учебном заведении учебное занятие, которое состоит в устном изложении преподавателем предмета; *Натурный класс* – в училищах живописи и рисования; *Необязательный предмет, курс* – в учебной программе; *Практикум (книжн., педаг.)* – особый вид учебных занятий, имеющих целью практическое усвоение основных положений какого-н. предмета, практическое занятие по какому-н. учебному курсу, преимущ. в высшем учебном заведении; *Предметный урок (книжн.)* – перен. То же, что наглядный урок, и т. д.

18. Временные промежутки, периоды, перерывы в образовательном процессе (19): *Академический час* – 45 или 50 минут, вместе с перерывом составляющий 60 минут; *Академический учебный год* – учебные занятия от конца до начала след. летних каникул; *Большая перемена* – двадцатиминутный или получасовой перерыв между уроками (в середине учебного дня); *Дошкольный (педагогич.)* – который относится ко времени до поступления маленького ребенка в школу; *Каникулы* – в учебных заведениях перерыв в занятиях на летнее или праздничное время; *Каникулярный* – || происходящий во время каникул; *Курс 3* – || ступень, год обучения (в высшем учебном заведении); *Курсовой 3; Перемена 5 (школьн.)* – короткий, часто десятиминутный перерыв между уроками; *Рекреация (школьн. устарев.)* – перерыв между занятиями для отдыха, уроками; перемена и т. д.

19. Административные и руководящие работники в сфере образования и их деятельность (18): *Военрук (новое)* – человек, который руководит в высших учебных заведениях допризывной военной подготовкой; *Декан 1* – лицо, которое стоит в высшем учебном заведении во главе факультета; *Деканство (книжн.)* – должность декана; *Директриса 1 (дореволюц.)* – начальница женского учебного заведения; *Инспектор 3 (дореволюц.)* – в учебных заведениях должностное лицо, педагог, который является помощником директора; *Инспектриса (дорев.)* – женщина, которая исполняет обязанности инспектора в учебных заведениях для женщин; *Классная дама (доревол.)* – надзирательница в учебном заведении для женщин; *Мадам 2 (разг. дореволюц.)* – начальница женского института; *Попечитель 2 (дорев.)* – должностное лицо в царской России (при ведомстве призрения и просвещения и др.), которое руководит сетью учреждений какого-нибудь ведомства на местах управлявшее учебным заведением или отдельным учреждением; *Попечительница (офиц.)* и т. д.

20. Учебные, воспитательные и просветительские помещения, места, здания и сооружения (18): *Анатомический театр* – помещение, в котором занятия производятся на трупах по анатомии; *Аудитория 1* – в высшем учебном заведении комната, в которой читаются лекции; спец. помещение в обществен. зданиях для публичных чтений; *Бурса (устар. презрит.)* – первоначально общежитие, в котором воспитанники содержатся за казенный счет; *Дортуар (дорев.)* – в закрытых учеб. заведениях общая спальня для учащихся; *Кабинет 2* – в учеб. заведении оборудованное помещение для спец. занятий; *Класс 3* – комната, в которой происходят учеб. занятия учащихся одной группы; *Красный уголок (нов.)* – помещение для культурно-просветительной и политической работы, соответствующим способом оборудованное; *Лекторий* – || помещение, здание такого учреждения; *Лекторская (спец.)*

– в высшем учеб. заведении комната для преподавателей; **Пансион 1** (*устар.*) – || общежитие для учащихся и т. д.

21. Учащиеся в зависимости от их достижений, получаемых ими льгот, выполняемой работы и обязанностей (15): **Выдвиженец** (*нов.*) – || студент, который выдвинут учеб. организациями для подготовки к науч. деятельности; **Выдвиженка**; **Дипломант** (*спец.*) – (в технич. учеб. заведениях) студент, который выполняет дипломную работу; **Казённокоштный** (*официальн. устаревш.*) – обучаемый и содержимый на средства казны, государства, за казенный кошт; **Куратор 2** (*мед.*) – студент в клинике, который наблюдает за больным; **Лауреат** (*книжн.*) – || лицо, которое окончило высшую худ. школу с наградой; **Медалист 1** (*устаревш.*) – тот, кто получил медаль за отличные успехи при окончании курса в учебном заведении или за какую-нибудь работу; **Медалистка**; **Пепиньерка** (*дорев.*) – девушка, которая окончила среднее закрытое учеб. заведение (женский институт) и была оставлена при нем для пед. практики; **Переменник** (*новое, военное*) – военн. подготовленный, который призывается для прохождения воен. подготовки на периодические учеб. сборы, а не на службу в кадровых частях, и т. д.

22. Учащиеся по отношению к учёбе и связанные с ними реалии и процессы (15): **Второгодник** (*школьн. педагогич.*) – ученик, которого оставили на второй год в том же классе (часто за малоуспешность); **Двоечник** (*школьн. арг. устаревш.*) – неуспевающий ученик, который постоянно получает двойки; **Отличник 1** (*новое*) – учащийся, который имеет отметку «отлично», высшую оценку знаний; **Отличник 1** (*новое*) – || тот, кто получил аттестат об окончании средней школы с отметкой «отлично» по глав. предметам, не ниже «хорошо» по остальным, который даёт право на поступление без экзаменов в высш. школу; **Отличник 2** (*нов.*) – учитель, который высоким качеством преподавания добился ликвидации второгодничества и отличных успехов учащихся; **Отличница** (*нов.*); **Пятёрочник** (*школьн.*) – ученик, обычно получавший пятерки (отличные отметки) за успехи, отличник; **Пятёрочница** (*школьн.*); **Троечник** (*школьн. арг. устаревш.*) – посредственный ученик, который постоянно получает тройки; **Успеваемость** (*новое*) – степень успешности занятий учащихся и т. д.

23. Наименования отдельных работников в сфере образования (13): **Дядька 2** (*дореволюц.*) – || в мужском закрытом учебном, часто военном, заведении слуга-мужчина; **Лаборант 2** – помощник преподавателя, профессора, который руководит лаборатор. занятиями; **Лаборантка**; **Лаборантский**; **Мамка 1** (*устар.*) – кормилица, нянька; **Методист** – педагог, работающий над изучением, выработкой методов преподавания; специалист по методике какого-н. предмета; **Методический 1**; **Нянечка** (*разг.*) – ласкат. к няня; **Нянька** (*разг.*) – то же, что няня; **Нянька** (*пренебр.*) – || тот, кто приставлен для наблюдения за кем-чем-н., для попечения о ком-чем-н., и т. д.

24. Документы (11): **Атестат**; **Аттестат** (*устар.*) – письм. свид-во об окончании учебн. заведения; **Аттестат зрелости** (*официальн. дорев.*) – свидетельство об окончании в мужской гимназии; **Волчий паспорт** (*дорев. разговор.*) – паспорт, свидетельство с отметкой о неблагонадежности, который закрывает доступ в учебные заведения, на гос. службу и т. п.; **Диплом 1** – (*офиц.*) свид-во об окончании учеб. заведения, которое предоставляет опр. права; **Зачетная книжка** – у студентов; **Матрикул** (*официальн. дорев., редко, преим. в применении к иностран. университету*) – удостоверение в высшее учебное заведение о зачислении, которое служит и зачетной книжкой; **Матрикула** (*официальн. дорев., редко, преим. в применении к иностран.*

университету) – удостоверение о зачислении (в высшем учебном заведении), которое служит и зачетной книжкой; *Похвальный лист* (школьн. дореволюц.) – свид-во об отлич. успехах ученика за истекший учебный год и т. д.

25. Наименования учебных предметов и дисциплин (11): *Естествоведение* (книжн.) – предмет школь. преподавания, который включает в себе начала естествознания; *Закон божий* (дореv.) – учение о религии как предмет школь. преподавания; *Законоведение* (книж. дореv.) – сов-ть сведений о законах как предмет преподавания; *Истмат* (новое вузовское аргo) – сокращение слов: история материализма как предмет преподавания; *Космография* (книж. устаревш.) – учеб. предмет средней школы, который излагает общее учение о земном шаре и вселенной; *Машиноведение* – предмет преподавания, научн. дисциплина, которая содержит описание и теорию машин, их частей и их работы; *Отечествоведение* – старое название учеб. предмета, в котором сообщались общие сведения о родной стране в историч., географич., экономич. и др. отношениях; *Природовед* – преподаватель природоведения; *Рисование* – || обучение искусству рисовать как школьный предмет; *Чистописание* – предмет школьн. преподавания, имеющий задачей научить красивому, четкому письму, и т. д.

26. Принадлежности для осуществления педагогической, образовательной и воспитательной деятельности (10): *1 Камчатка* (школьн. аргo, пренебреж.) – самая задняя парта, несколько самых задних парт в классе, куда сажали в старое время самых плохих учеников; *Ластик 1* (спец. школьн.) – || резинка для стирания написанного; *Непроливайка* (разг. школьн.) – чернильница специального устройства, из к-рой при опрокидывании не проливаются чернила; *Общая тетрадь* – толстая тетрадь, в которой учащиеся делают записи по разным предметам обучения; *Парта* – школьн. стол с наклонной, обычно поднимающейся и служащей крышкой ящика, верхней доской, который соединён в нижней части со скамьей; *Промакашка* (школьн. фам.) – промакательная бумага; *Пульт 2* (спец. устар.) – школьная парта; *Ранец* – сумка для ношения при себе вещей, надеваемая посредством помочей на спину (устар.) школьников – для книг и учебных принадлежностей; *Ферула 1* (книжн. старин.) – линейка, которой били по ладони провинившегося школьника; *Школьные принадлежности* – тетради, перья и т. п.

27. Учащиеся в зависимости от направления обучения, факультета, специальности (10): *Восточник* (разговор.) – студент фак-та восточных языков, востоковедного учеб. заведения; *Историк* – || студент историч. института, фак-та, отдел-я; *Классик 6* (разг.) – студент, изучающий классическую филологию; *Математик 2* – || студент математического факультета; *Правовик 2* (разг.) – студент, изучающий право, который обучается на отделении, факультете права; *Словесник* – || студент филологического (словесного) факультета, отделения; *Словесница*; *Физик 2* – || студент, который изучает физич. дисциплины; *Физичка 1*; *Химик 1* – || студент, специализирующийся в области химии.

28. Учебные подразделения (9): *Богословский факультет* – в загр. университетах; *Главтуз* – глав. управление высшими технич. учеб. заведениями; *Деканат* (специальн.) – админ.-учеб. управление фак-та при декане; *Историко-филологический факультет* – прежде в унив-тах; *Класс 2* – || подразделение в системе школьного курса, соответствующее году; *Педфак* (новое) – сокращ. слов: педагогический факультет; *Факультет* – отделение высшего учебного заведения, обнимающее

науки, относящиеся к одной какой-н. отрасли знаний обучения; **Факультетский; Физмат** (*новое вуз. арго*) – физико-математич. фак-т.

29. Мероприятия (3): 1 Бой 6 – (*нов.*) || массовое соревнование с учеб. целями, участники к-го должны быстро и сразу отвечать на предлагаемые вопросы; **Культ-поход 1** (*нов. офиц.*) – кампания по ликвидации неграмотности в кратчайшие сроки; **Производственное совещание** (*новое*) – совещание работников учреждения, школы и предприятия, по вопросам улучшения своего производства, с целью привлечения рабочих и служащих к участию в организац. и руководящей деятельности.

30. Учащиеся в зависимости от формы обучения (3): Вечерник (*нов. разг.*) – занимающийся, работающий в вечернюю смену; **Заочник** (*новое специальн.*) – тот, кто обучается по системе заочного обучения; **Экстерн 1** – лицо, которое, не будучи учащимся учеб. заведения, сдает при учеб. заведении экзамены по курсу.

Полученные данные позволили выделить 30 тематических групп. Группа **«Образовательные, воспитательные и педагогические процессы»** является самой многочисленной тематической группой (330 лексических единиц). В. А. Ситаров отмечает, что именно после революции в октябре 1917 года видные деятели РКП(б) начали реформировать школу, проводить реформы, которые были направлены на «развитие коммунистических идей воспитания, трудового обучения, политического образования» [11, с. 208]. Всё это не могло не привести к разрушению существующей в то время системы образования. В самом предисловии к Толковому словарю русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова встречаем: «История больших словарей показывает, что каждый из них является отражением классовых интересов своей эпохи. Изучая словари, можно видеть, что привносилось в накопленное ранее богатство, что и как в нем перерабатывалось новым, завоевывавшим господство классом. Выпускаемый теперь словарь – попытка отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем указать установившиеся нормы употребления слов» [10]. Таким образом, совершенно очевидно, что именно проводимые реформы, усиление идеологии, «культурная революция» в период 1920–1930 гг. обусловили содержание данного словаря. Активные политические и социальные процессы оказали существенное влияние на язык, что нашло своё отражение в исследуемом лексикографическом источнике.

К тематическим группам **«Образовательные, просветительские и учебные заведения и учреждения»** и **«Реалии и понятия, связанные с образовательным, учебным и воспитательным процессом»** нами было отнесено 112 и 100 лексических единиц соответственно. Дело в том, что, по справедливому замечанию Е. А. Кошкиной и С. В. Ядренниковой, «в период глобальной перестройки отечественной школы, связанной с переосмыслением национальной образовательной траектории в контексте новой идеологии и философии в 20–30-х гг., адаптацией передового педагогического опыта, реализацией деятельности экспериментальных учебных заведений ... важным становится не только как учить, но и то, как это правильно делать с позиций нового политического режима» [12, с. 133]. Более того, для осуществления всего этого требовались новые учебные заведения, которые отвечали бы не только реалиям времени, но и новому политическому курсу в условиях трудовой школы.

Самыми малочисленными являются тематические группы **«Мероприятия»** и **«Учащиеся в зависимости от формы обучения»**, в состав которых вошли всего по 3 лексемы. Полагаем, это может быть связано с тем, что проведенные в 1930-х годах существенные преобразования, касающиеся не только организации самого процесса обучения, его содержания, но ещё и непосредственно самих учебных заведений, практически не оставили

учащимся возможности выбора формы обучения. Политическая обстановка, а также цели и задачи, поставленные перед системой образования и воспитания того времени, ставящие «во главу угла» формирование правильного исторического сознания народа, необходимость объединения труда и обучения практически не оставляли места для мероприятий развлекательного характера.

Дальнейшее изучение педагогической лексики представляется достаточно перспективным направлением, отражающим политические, экономические, социальные процессы в конкретный исторический период каждого народа.

Ссылки

1. Возмищева К. А. К вопросу об употреблении эмотивной лексики в современном педагогическом дискурсе // Рациональное и эмоциональное в русском языке. Сборник трудов Международной научной конференции. 2018. С. 196–200.
2. Колосовская Е. В. Национально-культурная специфика языкового сознания русских и британцев на материале Тематической группы «воспитание»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2004. 179 с.
3. Кошкина Е. А. Развитие наименований учебных дисциплин в терминологии отечественной дидактики XVIII – начала XX века // Потенциал историко-образовательного знания в психолого-педагогической подготовке будущего учителя. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 32–38.
4. Мулык Е. А. Специфика профессиональной лексики педагогической направленности // Записки з романо-германської філології. 2018. № 1 (40). С. 145–151.
5. Назарова Н. А. Особенности функционирования заимствованной лексики в области науки и образования // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 68 – 6. С. 52–55.
6. Николаева О. В. Когнитивные аспекты исследования Тематической группы «Высшее образование США»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Владивосток, 2000. 199 с.
7. Терских И. А. Развитие русской педагогической терминологии в XVIII веке // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2017. № 2. С. 168–174.
8. Селезнева К. О. Тематическая группа «Образование» в лексикографических источниках // Психолингвистика и лексикография. Сборник научных трудов. Воронеж, 2021. С. 115–122.
9. Селезнева К.О. Результаты компонентного анализа лексических единиц, входящих в состав тематической группы «Общие номинации педагогов» // Казанская наука. 2019. № 3. С. 99–103.
10. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1939. Т. I–IV.
11. Ситаров В. А. История образования в России: досоветский и советский периоды // Проблемы педагогики и психологии. 2019. № 1. С. 201–211.
12. Кошкина Е. А., Ядренникова С. В. Структурная организация терминологии советской дидактики 20-30-х гг. XX в. // Научно-педагогическое обозрение. 2022. Вып. 1 (41). С. 132–141.